

ПУТЕШЕСТВИЯ 1886-1887 гг.

Один день в пути

(Из дневника)

14 марта 1886 г. около двух часов утра пароход "Merkara" {Пароход "*Merkara*" - один из 78 пароходов английской компании India Navigation Company, 2971 тонна вместимости. 400 номин. сил.} бросил якорь на рейде Батавии. Сперва шум якорной цепи и беготня на палубе, а затем возня и приготовления к разгрузке уже несколько раз будили меня; но, зная, какой тяжелый, утомительный день предстоит мне, я старался снова засыпать и поднялся не ранее обычного времени, т. е. в 5 часов утра. Взяв ванну из морской воды, я поднялся на палубу, где, кроме лоцмана и нескольких пассажиров,-- которые от сильного нетерпения поскорее увидят Батавию провели почти всю ночь на палубе,-- нашел уже ship-chandler'ов, поставщиков провизии и других предметов.

Утро было замечательно ясное, и темно-голубые силуэты вулканов Салак и Пангеранго отчетливо вырезывались на ярко-зеленой кайме береговой растительности. На берегу, в миле расстояния от нас, виднелись красные кровли и белые здания новой гавани Батавия -- Таньон-Приок¹. Большинство судов стояло на якоре тут же, и только немногие виднелись далеко на западе, на старом Батавском рейде. Малым ходом вошли мы в небольшую, но вполне укрытую брекваторами² гавань, оконченную только два года тому назад, и каналом подошли к самой стенке пристани, где нагружают уголь. Более сотни туземцев немедленно принялись за работу. Такая поспешность загрузки углем была не очень приятна для пассажиров, так как многие рассчитывали отправиться в Бюйтенцорг и вообще пробыть в Батавии не менее суток, а иные желали бы даже остаться и дольше. Для моих личных намерений непродолжительность стоянки являлась также крайним неудобством.

Целью моего шестого приезда в Батавию, стоившего мне более двадцати лишних дней времени, проведенных на пароходе, далеко не первоклассном,-- было забрать мои коллекции, которые заключались в значительном количестве ящиков и свертков разного рода и уже около 13 лет ожидали перевозки в Европу. К моему несчастью, день был воскресный, и я знал, что мне предстояло немало препятствий и затруднений. Весьма сомнительно, что можно будет найти главного управляющего торговым домом MacLaine and Watson, в складах которого хранились мои коллекции, попасть в эти склады (конечно, запертые по случаю воскресенья), нанять лошадей для перевозки ящиков из города на станцию, затем доставить их по железной дороге в Таньон-Приок и, наконец, в шлюпке на пароход; все это необходимо было проделать в один день. Хотя и сомневаясь в успехе, я все-таки решился попытаться, хорошо зная, что не удастся мне покончить все необходимые дела в один день, мне придется прожить в Батавии целый месяц, до прихода следующего парохода той же линии, так как я взял билет до Порт-Саида.

По просьбе пассажиров, завтрак был подан в 8 часов, т. е. целым часом раньше обыкновенного, а затем небольшой пароход, также принадлежащий British India Company, должен был перевезти желающих отправиться в Батавию на другую сторону канала. Так как дамы составляли почти половину всех пассажиров, желавших отправиться, то нам пришлось ожидать более десяти минут, пока они собирались и усаживались на пароходик. Лоцман уверял, что если сборы барынь не будут окончены еще через пять минут, то мы наверно опоздаем на поезд, который, вместо того чтобы отходить каждый час, как в будни, идет по воскресеньям только

четыре раза в день. Наконец, дамы уселись, и мы тронулись. У противоположного берега, очень близко друг от друга, стояло множество пароходов, так что нам пришлось подняться довольно высоко, чтобы иметь возможность высадиться.

Высочив на пристань и увидев, как медленно двигались пассажиры, я громко заметил, что если они не поторопятся, то наверное опоздают на поезд, и сам, вместе с несколькими пассажирами, быстро направился к станции. По моим часам, времени до отхода поезда оставалось уже очень мало, почему я постепенно все ускорял и ускорял шаги. Довольно далеко впереди нас шагал лоцман. Я нагнал его, оставив всех остальных пассажиров далеко позади. Вот уже показались настезь раскрытые двери станции, как вдруг лоцман наш побежал. Я последовал за ним и, взбегая на верхние ступеньки, увидел, что поезд трогается. Несмотря на то, что поезд сразу двинулся довольно быстро, я оттолкнул кондуктора, пытавшегося остановить меня, и вспрыгнул на платформу, подхваченный пассажирами, опасавшимися, что я сорвусь и упаду. Выглянув из окна, я увидел группу человек в 25--30: это были пассажиры, опоздавшие на поезд и вынужденные поэтому высадиться на станции часа три, если не больше, в ожидании следующего.

Спутники мои оказались крайне любезными: к моему неудовольствию, я попал в отделение для курящих, но мой сосед, усиленно куривший, заметив, вероятно, по выражению моего лица, что табачный дым мне неприятен, пересел на другое место и открыл окно, так что дым совершенно перестал стеснять меня. Другой пассажир, видя, что я затрудняюсь уплатить за билет, так как у меня были только английские деньги, любезно предложил мне разменять их на голландские.

Дорога от Таньон-Приок до Старой Батавии -- по болотистой местности, сплошь поросшей кокосовыми и арековыми пальмами, бананами и другими роскошными тропическими растениями. Богатство и разнообразие здешней флоры резко бросается в глаза после монотонной австралийской растительности и производит крайне приятное впечатление.

Приехав со станции Старой Батавии в Вельтефреден {"Вельтефреден" -- по-русски значит "весьма довольный".}, я остановился на первой из городских станций и, наняв коляску, поехал к лицу, от которого главным образом зависело решение вопроса, устроится ли все, сообразно моему желанию, в один день или же мне придется прожить в Батавии целый месяц в ожидании следующего парохода.

Скажу несколько слов о коллекциях, ожидавших меня в Батавии.

В период времени от 1873 по 1878 г. Батавия была центром, откуда я предпринимал мои экскурсии, и складочным местом для моих коллекций, собранных во время путешествий с 1872 по 1877 г. Представители торгового дома Дюммлер и Комп. в Батавии всегда относились ко мне весьма любезно и очень аккуратно берегли и хранили мои вещи во время моих отлучек³. Переселившись в Сидней и производя оттуда мои исследования островов Меланезии, я не считал нужным перевозить мои коллекции из Батавии, так как со временем они должны были быть отправлены в Европу. В марте 1885 г. я получил из Батавии от фирмы Дюммлер и Комп. письмо, в котором ввиду банкротства фирмы меня просили взять из складов мои коллекции и, между прочим, сообщали, что кроме двадцати семи разного рода мест с коллекциями в несгораемом шкафу торгового дома нашлись два запечатанных пакета с моим именем на обертке и со следующей припиской: "Bruler en cas de ma mort"^{1*}.

Сообщение о найденных бумагах было для меня весьма приятным сюрпризом, так как я уже несколько лет назад заметил исчезновение некоторых из моих манускриптов и дневников и буквально не мог ума приложить, куда они делись. Боясь, чтобы найденные бумаги (которые легко могли оказаться именно недостающими мне манускриптами) как-нибудь не затерялись по дороге из Батавии в Сидней или же не пропали при крушении парохода, что случается, к

сожалению, гораздо чаще, чем это вообще предполагают, я решил лучше обождать и заехать за ними в следующем году самому, по пути в Европу.

В то время (т. е. в 1885 г.) русского консула в Батавии еще не было, и поэтому я обратился к великобританскому, г. Мк.-Н.⁴ -- представителю главнейшей английской фирмы, гг. MacLaine and Watson, и просил его принять от Дюммлера и Комп. мои коллекции на хранение до моего приезда в Батавию. Теперь ясно, что мне было крайне интересно узнать, в каком виде находятся мои вещи и что именно заключалось в найденных в несгораемом шкафу запечатанных пакетах. Директор ("manager") старинной фирмы MacLaine and Watson живет в Вельтефредене, в большом доме, принадлежащем этой фирме. Дом этот был мне известен еще с 1873 г., когда в нем жил предшественник теперешнего представителя фирмы.

Г. Мк.-Н. я видел в это воскресенье в первый раз. Он, по-видимому, или собирался в церковь, или же только что вернулся оттуда. Объяснив ему в коротких словах, кто я и чего желаю, я постарался убедить его исполнить мое намерение забрать вещи сегодня же во всяком случае и во что бы то ни стало, так как ехать без вещей в Европу для меня невозможно, а прожить целый месяц в Батавии--положительно out of question²*. Глядя на симпатичное и энергичное лицо г. Мк.-Н., я почти не сомневался в успешном результате своей просьбы.

Трудностей, однако ж, по словам г. Мк.-Н., предстояло немало. По случаю воскресенья помещения консульства и склады фирмы были закрыты; мало этого: отдельные помещения складов были заперты разными ключами, находившимися в руках нескольких служащих фирмы, которых в праздничный день было нелегко разыскать, не говоря уже о том, как трудно было найти людей и лошадей для переноски и перевозки вещей, все по причине праздничного дня. Хорошо еще, что г. Мк.-Н. был агентом пароходства "British India", вследствие чего от него в значительной степени зависела отправка "Merkara".

Г. Мк.-Н. действительно не только обещал устроить выдачу моих вещей и заблаговременную отправку их на пароход, но и гостеприимно предложил мне свой дом в случае, если я останусь ночевать в городе. Мы условились, что я в сопровождении главного клерка консульства, г. Д., отправлюсь в старый город. Там я добуду свои пакеты и разыщу ящики с коллекциями, что, по мнению г. Д., представлялось делом далеко не легким, так как ящики мои, полученные более года тому назад, были завалены массой кофе, прибывшего за последний месяц из разных мест. Хотя я и не совсем понимал, как могли большие ящики быть зарытыми в кофе, но не стал терять времени на расспросы и предложил немедленно ехать в город. Г. Мк.-Н., прощаясь, сказал, что так как "Merkara" уходит только на следующее утро, то мне удобнее остаться ночевать здесь, и снова повторил, что его дом к моим услугам, прибавив, что будет ждать нас к lunch'у.

Было половина первого, когда мы с г. Д. отправились вдоль канала в старый город, заехав предварительно к кассиру за ключами. Нас сопровождал один из слуг г. Мк.-Н., знавший местожительства большинства служащих, у которых находились ключи от различных помещений и отделений фирмы.

Проехав китайский квартал, мы очутились в собственно старом городе Батавии, где все здания заняты конторами европейских торговых домов. По случаю воскресенья все дома без исключения были закрыты и даже ставни были заперты. На улицах -- ни души. Со времени моего последнего приезда в Батавию (в январе 1876 г.) я не нашел здесь ни малейшей перемены⁵. Не видно не только новых зданий, но даже не заметно ни одной новой вывески. Наконец, мы подъехали к великобританскому консульству, где, как и во всех остальных домах, двери и окна стояли запертыми. Сторожа, который должен был находиться у ворот, также не оказалось, и так как улицы были совершенно пусты, то и послать разыскать его было невозможно. Г. Д. сам отпер двери консульства, и мы поднялись во второй

этаж по большой широкой лестнице. В большом помещении конторы господствовал полумрак, потому что ставни были закрыты и даже сторы опущены.

Когда мы подошли к двери несгораемого отделения, где хранились важнейшие и ценные документы фирмы, а также находились и пакеты с моими бумагами, мной овладело сильное нетерпение, хотелось поскорее увидеть их. Замок оказался с разными хитростями. Ключ, по-видимому, отпирал шкаф, но дверь не поддавалась. Г. Д. долго возился со сложным замком; наконец, ему удалось отпереть дверь, и мы вошли в довольно обширную и темную комнату, где на полках лежали кипы бумаг. Когда достали мои два пакета, я прежде всего увидел на обоих сделанные моей рукою надписи: "Bruler sans ouvrir en cas de ma mort"^{3*}. Тут мне живо представились все подробности, связанные с упаковкою этих бумаг и передачею их г. А., тогдашнему главе фирмы Дюммлер и Комп^б. Припомнил я и разговор мой по этому поводу с г. А., и торжественное обещание последнего уничтожить эти пакеты в случае моей смерти. И странное дело: теперь все эти детали воскресли в моей памяти с поразительною ясностью, а раньше, несмотря на все мои усилия, я положительно не мог припомнить, ни где я оставил эти бумаги, ни какого они были рода.

По внешнему виду я, однако, и теперь еще не мог догадаться, что в обретенных пакетах находились именно те дневники, которые я так долго искал. Я поспешил обрезать снурок, с нетерпением разорвал бумагу, в которую были завернуты мои манускрипты, и в бумаге оказалась именно та самая рукопись, относительно которой я так долго находился в неизвестности. Жаль, что у меня в ту минуту не было под рукою зеркала: я чувствовал, что выражение моего лица постепенно меняется, и мне было бы интересно проследить на нем эти характеристичные изменения, выражения удовольствия и переход от нетерпеливого ожидания к удовольствию при нахождении желаемого. Бумаг оказалось даже гораздо больше, чем я ожидал: нашлись рисунки и записки, о которых я уже успел совершенно забыть⁷.

Я до такой степени увлекся рассматриванием найденных бумаг, что г. Д. вынужден был напомнить мне, что нам еще предстоит немало дела с коллекциями. Тут возникло новое затруднение: дверь склада оказалась запертою, а ключ от нее находился у одного из служителей-малайцев, адрес которого не был известен ни г. Д., ни слуге г. Мк.-Н. Однако г. Д. был до того обязателен, что позволил сломать замок. Под общим напором дверь поддалась, но за нею оказалась другая, с еще более упорным замком, так что нам пришлось послать слугу к "мандору" {"Мандор" -- по-малайски надсмотрщик или главный рабочий.}, у которого мог находиться ключ от этой двери. В ожидании его прихода мы забрались на шкафы, стоявшие у перегородки, и таким образом ухитрились перелезть в ту комнату, где должны были находиться мои вещи.

Тут только я понял вполне выражение г. Д., когда он говорил, что мои вещи зарыты, погребены в кофе. Склад представлял собою большую, почти квадратную комнату, футов 40 в длину и немного больше в ширину. На полу были сплошь насыпаны груды кофе, лежавшего слоями в 4 фута толщины; местами только между этими громадными кучами кофе были оставлены узенькие дорожки для прохода. Взобравшись на такую кучу, мы стали разрывать ее и в одном месте наткнулись на один из моих ящиков. Около него виднелся край другого ящика. При этом г. Д. сказал мне, что хотя он и не утверждает положительно, но ему кажется, что фирма брала на хранение не более двух-трех таких ящиков.

Слова эти были для меня весьма неприятным сюрпризом. Я рассчитывал найти по крайней мере двадцать пять ящиков, а никак не два или три. Я продолжал зондировать кофе палкою в разных местах, но нигде ничего не оказывалось. Я положительно встревожился. Куда могли деться мои ящики? Если их не окажется

здесь, то сегодня по случаю праздника, разумеется, не придется разыскивать их по другим местам, а это значило волей-неволей засесть на целый месяц в Батавии. А г. Д. не переставал уверять меня, что других ящиков их фирма не принимала. Вдруг палка моя натывается на новый ящик; разгребаю, читаю: "With the greatest care"^{4*}. Узнаю мою руку и принимаюсь еще усерднее тыкать палкою в кофе. Еще ящик, а за ним другой... третий... Вероятно, и все они здесь, но буквально погребены в кофе.

Пока продолжалась эта рекогносцировка, наступил уже третий час. В это время мы услышали шаги нескольких человек, приближающихся к дверям. Неподатливая запертая дверь отворяется ключом. Его принес мандор, прихвативший, кстати, и человек десять рабочих. Этот мандор, как объяснил мне г. Д., служит фирме MacLaine and Watson около сорока лет; человек он очень надежный и толковый и, заведая так долго складом, знает все, находящееся в нем, до последней щепки. Когда я спросил его о количестве ящиков, принятых от торгового дома Дюммлера и К^о, он тотчас же отыскал под грудями кофе один из них, на котором была наклеена следующая надпись, им же самим сделанная: "Принято от Дюммлера и К^о 19 марта 1885 г. 3 свертка (NoNo 13, 14, 15); 3 свертка (в цинковке); 1 связка (5 палок); 1 корзинка; 19 ящиков; всего 27 мест".

Читая эту драгоценную надпись, я совершенно успокоился и не без удовольствия заметил г. Д., что я был прав, когда утверждал о существовании большего количества ящиков. Благодаря расторопности мандора и приведенных им людей ящики мои были очень скоро откопаны из-под кофе и все вновь перенумерованы. После этого г. Д. отдал приказание мандору, чтобы все вещи были перевезены на следующее утро с первым поездом в Таньон-Приок, нагружены на пароходик и окончательно готовы к сдаче на "Merakara" к тому времени, когда я туда приеду. Укладка и переупаковка недостаточно прочных ящиков, расчет с людьми и закрытие консульства были также поручены мандору, а мы с г. Д., захватив мои драгоценные манускрипты и пакеты, без дальнейших проволочек покатали обратно в город, к г. Мк.-Н., который, несмотря на позднее время, ожидал нас к lunch'у.

Дорогою мне невольно пришла на память довольно печальная для меня история, бывшая со мною в Сингапуре в 1878 г. По возвращении из Новой Гвинеи, после продолжительного пребывания там в 1876 и 1877 гг., я проболел целые семь месяцев и ослабел в течение этой болезни страшно (вес моего тела, равняющийся при нормальных условиях 148 фунтам, уменьшился в то время до 93 фунтов). По мнению докторов, с которыми я и сам был совершенно согласен, мне необходимо было переменить климат, в котором я жил, на более холодный, хотя бы на время. Вследствие этого я решил отправиться в Австралию; но так как я намеревался пробыть там недолго и снова вернуться в Сингапур, то и не захотел брать многого, в особенности же не желал возить с собою некоторых манускриптов, вывезенных из последнего путешествия.

Ослабел я, как уже сказал, чрезвычайно, голова у меня постоянно кружилась, и вообще я недомогал сильно, так что укладка вещей была для меня весьма утомительна и шла крайне медленно. Накануне отъезда я собрал вышеупомянутые бумаги и несколько рисунков, сложил их в пакет, завязал, запечатал и отправился к одному из банкиров, через которого чаще других получал деньги. Я объяснил ему, что, боясь потерять в пути некоторые, довольно важные для меня бумаги и рукописи, я желаю оставить их у него.

Я чувствовал себя в тот день так плохо, что; выслушав согласие банкира принять на хранение мои бумаги, кое-как распрощался с ним и рад был поскорее вернуться в Hotel de l'Europe, где я в то время жил, и отдохнуть. На другой день я уехал в Сидней, и был так болен и слаб, что меня на руках перенесли из экипажа прямо в каюту. Дорогою я значительно поправился; в Сиднее прожил шесть месяцев, а там

снова вернулся на острова Тихого океана. Вскоре затем я опять был в Австралии, и в таких разъездах прошло около четырех лет. О манускриптах, оставленных мною в Сингапуре, я совершенно забыл. Заехав в Сингапур в 1882 г. на пути в Европу и увидев там некоторые оставленные мною вещи, я вспомнил также и о пакете с манускриптами.

Намереваясь отправиться за ними на другое же утро, я, естественно, задал себе прежде всего вопрос, в какой именно банк я должен идти. Память моя не давала мне никакого ответа. Отыскав свой дневник за 1878 г., я стал добираться по нем до имени банкира, но оно, как нарочно, оказалось незаписанным. Нашел только указание, что в вышеупомянутом году я имел дело с тремя банкирами. Всю ночь я просыпался и старался припомнить имя банкира, однако безуспешно. На утро после завтрака я отправился к одному из моих троих банкиров. Дом, подъезд и самые комнаты показались мне знакомыми. Спрашиваю директора банка. "У себя в кабинете". Стучу, вхожу, надеясь встретить знакомое лицо,-- и ошибаюсь. Ни я его, ни он меня не знает. Я называю себя и прямо говорю, что оставил в его банке в 1878 г. пакет с бумагами на хранение. Директор ответил на это, что недавно приехал из Англии, о пакете ничего не знает и вследствие этого просит меня показать ему расписку в получении пакета. На мое возражение, что расписки у меня нет, он пожал плечами и заметил мне, что я, вероятно, ошибся банком, но, впрочем, прибавил, что если он найдет этот пакет, то перешлет его или мне самому, или кому я поручу. "Ваша фамилия, вероятно, была выставлена на пакете?" -- спросил он. Я отвечал, что не помню, и, чувствуя, что тут расспрашивать долее нечего, откланиваюсь и ухожу, замечая, что директор провожает меня довольно недоумевающим взглядом.

В другом и третьем банке -- тот же результат. Всюду одни и те же расспросы о расписке или по крайней мере об имени лица, которому я передал пакет, те же следующие за ними удивленные, недоумевающие взгляды и пожиманья плеч на мою доверчивость. Не мог же я рассказывать каждому из них, как сильно я был болен, когда поручал неизвестному банкиру мои злосчастные манускрипты! Я вернулся в отель и решил не думать больше об утраченном; однако, несмотря на это решение, я весь день был не в духе и даже не мог ничего есть. Я и теперь не могу вспомнить, кому я отдал свой пакет с рукописями и рисунками. Питаю, однако ж, надежду, что он когда-нибудь да найдется⁸.

Любезный г. Мк.-Н. встретил меня на веранде, и я, выйдя из коляски, крепко пожал руку ему и г. Д., благодаря их за помощь. Будь это какие-нибудь немцы, французы, голландцы и т. п., я бы не встретил такой простой и действительной помощи, и поэтому я благодарил судьбу за то, что она столкнула меня с джентльменами-англичанами. Мы с г. Д. вернулись в город после нашей экспедиции с отличным аппетитом, и для меня, после однообразного пароходного режима, переход к свежему столу был особенно приятен, тем более что поданное нам сагу со всеми аксессуарами малайской кухни, по моему мнению, самая подходящая пища под тропиками.

По батавскому обычаю после обеда следует сиеста. Мне очень хотелось спать, но, помня, что в моем распоряжении остается всего несколько часов на пребывание в Батавии, я пожалел потратить их на отдых. Мне хотелось сделать несколько визитов, повидаться со старыми знакомыми и собрать некоторые сведения. Хотя, по местным понятиям, по воскресеньям нельзя делать визитов раньше шести часов вечера, т. е. пока жара совсем не спадет, я ввиду недостатка времени решил пренебречь обычаем и отправился с визитами в четыре часа пополудни. Расстояния в Батавии не маленькие, и поэтому я охотно принял любезное предложение г. Мк.-Н. воспользоваться его коляской. Прежде всего я отправился к г. Ф. Д. Ш. Вышедший слуга объявил мне, что барин еще не вставал. Действительно, окна и

двери были заперты, стулья и столы на веранде сдвинуты вместе и ковры свернуты. Я колебался, не зная, подождать мне или уехать. В это время ко мне подошел другой слуга и объявил, что барин уже встал и отправился в купальню. Я послал ему карточку с надписью, что остаюсь в Батавии только на сегодняшний день. Через минуту слуга вернулся с докладом, что барин тотчас же оденется и непременно просит меня подождать. С г. Ф. Д. Ш. я не виделся с 1876 г., и несмотря на это, он вовсе не нашел, чтобы я переменялся; разве только, что сильно поседел. Визит мой был очень короток, но время мы провели весьма приятно, перебирая и вспоминая наших общих старых знакомых в голландских колониях и оживленно беседуя о новостях литературы по антропологии и этнологии Малайского архипелага, появившихся на голландском языке. Мы не заметили, как наступило время прощаться, и я надеюсь, что г. Ф. Д. Ш. не сетует на меня, что ради меня ему пришлось несколько посократить свою сиесту.

Распрощавшись с моим старым знакомым, я отправился к доктору С. с целью посмотреть устроенную им зоологическую лабораторию⁹. Он тоже отдыхал, но, получив мою карточку, не захотел заставлять меня дожидаться и вышел ко мне почти немедленно в легком, удобном костюме, какой европейцы обыкновенно носят в голландских колониях. Узнав, что я остаюсь только на сегодняшний день, он сам предложил мне осмотреть зоологическую лабораторию, устроенную им в музее Natur Kundig-Gootschaf¹⁰. Часть залы музея с двумя окнами по сторонам была отделена доктором С. бамбуковой перегородкой и превращена в лабораторию для занятий по зоологии. За недостатком времени я не мог подробно осмотреть коллекции низших морских животных, собранных доктором С., но обратил внимание на устроенный им аквариум с морской водой. Под довольно большим стеклянным аквариумом, вмещающим приблизительно два ведра воды, находится резервуар, куда постоянно выливается вода. Чтобы поддерживать непрерывный ток свежей воды, небольшая стеклянная трубочка соединена каучуковой с сифоном, вставленным в большую стеклянную, оплетенную камышом бутылку, подвешенную на блок к самому потолку. (Доктор С. объяснил мне, что он каждую неделю посылает за несколькими такими бутылками свежей морской воды, если не ошибаюсь, в Таньон-Приок.). Когда вся вода выльется через сифон в аквариум, пустая бутылка опускается и при помощи блока к потолку поднимается новая, наполненная свежей морской водой. Это приспособление бережет немало труда и времени, и благодаря этому доктор С. держит только одного служителя, смотрящего за лабораторией. Доктор сообщил мне, что за несколько недель до моего приезда в его лаборатории занимался один русский зоолог, некто г. К.¹¹.

По моему мнению, однако, выбор Батавии для устройства зоологической станции не может считаться удачным. Для изучения морской фауны громадным неудобством является значительная отдаленность лаборатории от моря. Для ловли пелагических морских животных нужно отъехать от паровой пристани или таможни по крайней мере на полтора часовое расстояние да от пристани до лаборатории будет не менее часа обыкновенной езды. Следовательно, уходит пять часов на непродолжительные разъезды взад и вперед. Если естествоиспытателю придется употребить на одно это целое утро, то для работы над собранным уже останется немного времени. Я уже не говорю о неудобстве перевозки в экипажах морских животных, положенных в незакрытые сосуды с морской водой.

Если же естествоиспытатель приедет сюда заниматься анатомией и эмбриологией не морских животных, то тогда является другое неудобство, именно отдаленность Батавии от лесов. Сингапур и Молуккские острова (Амбоина и Тернате) кажутся мне местностями, несравненно более удобными для зоологической станции, и я все еще жалею, что в 1878 г., после второго пребывания на Берегу Маклая, серьезное нездоровье заставило меня перебраться в Австралию и помешало привести в

исполнение мой план об устройстве биологической станции на юго-восточной оконечности материка Азии, около Сингапура. Островок Серимбон, который я предназначал для этой цели, будет моею собственностью еще лет 25, и я очень желал бы, чтобы кому-нибудь вздумалось привести в исполнение мой проект. Мой островок и все мое знание местности -- к его услугам¹².

Возвращаясь к батавской лаборатории. Несмотря на высказанное мною мнение, старания доктора С. во всяком случае заслуживают со стороны каждого естествоиспытателя полной благодарности и пожеланий дальнейшего успеха. Между прочим, внимание мое было привлечено стеклянной банкой, стоявшей на одном из столов; в ней находилась очень красивая акула, светло-желтого цвета, с симметрично расположенными коричневыми полосками и пятнами. Доктор С. с предупредительною любезностью вынул ее из спирта и предложил посмотреть. Я нашел, что она принадлежит к роду *Scylium* {Эта курьезная акула, с хвостом, более длинным, чем все тело, называется *Stegostoma tigrinum*, или *Stegostoma fasciatum*, но была описана еще и под другими именами, как-то: *Squalus tigrinus longicaudatus*, *Squalus fasciatus*, *Scyllium heptagonum*.}. Зная, что я особенно интересуюсь этим отделом рыб, доктор С. любезно предложил мне ее, заметив при этом, что она была прислана ему всего лишь несколько дней тому назад. Я с удовольствием принял этот интересный для меня подарок. Акула была упакована в небольшой склянке, после чего мне необходимо было вернуться в дом г. Мк.-Н., так как было невозможно продолжать визиты с моим подарком.

Вернувшись в дом моего гостеприимного хозяина и переодевшись (так как батавский обычай требует, чтобы после 6 часов мужчины облекались в черный сюртук), я отправился к резиденту, т. е. главному представителю власти в провинции и городе Батавии. Я знал его уже раньше и поэтому очень пожалел, что не застал дома. Затем я отправился к доктору Б. с целью побеседовать с ним о живо интересующем меня вопросе по акклиматизации белой расы под тропиками. К великому моему удовольствию, почтенный доктор сообщил мне, что он недавно издал книгу, трактующую именно об интересующем меня вопросе, и обещал прислать ее мне в скором времени¹³.

Направляясь в батавский клуб "Harmonie", я встретил г. Д., пригласившего меня ехать вместе с ним в один частный дом посмотреть на выставку вещей, которые должны были продаваться на следующий день с аукциона. Этот оригинальный обычай давно существует в Батавии. Если обыватель совершенно покидает колонии или же просто переселяется в другой город, он имеет обыкновение пускать в аукционную продажу все свои вещи, начиная с мебели и ковров и кончая последней вилкой в столовой, кастрюлей в кухне и лошадиной сбруей. За день до продажи все знакомые извещаются специальными пригласительными карточками; кроме того, о времени продажи печатается в газетах. Мы с г. Д. подъехали к дому, ярко освещенному газовыми лампами. Вся площадка перед ним и даже часть улицы была заставлена экипажами посетителей, собравшихся осмотреть вещи. Мы оставили свою коляску далеко от дома и, с трудом пробираясь между тесными рядами экипажей, дошли, наконец, до веранды, где толпилось множество дам и мужчин.

Войдя в дом, ярко освещенный люстрами и канделябрами, мы увидели вещи (вымытые и вычищенные), составляющие принадлежность каждой комнаты, до последних мелочей, уставленные группами и таким образом, что каждую вещь можно было осмотреть отдельно, без затруднений. При входе раздавались печатные каталоги, причем каждая вещь была обозначена особым номером. Хотя посетителей было очень много, но мы рассмотрели все очень спокойно и толкотни не было. Г. Д. сказал мне, что этот способ продажи вещей по случаю отъезда

оказывается самым удобным. Вещи продаются почти по своей цене, с весьма незначительным убытком¹⁴.

Пробыв здесь несколько времени, мы вместе же отправились в клуб, где я встретил г. Мк.-Н. и много батавских и бьютенцоргских знакомых, с которыми встречался еще в семидесятых годах. Тут же я познакомился с г. Б., недавно утвержденным русским консулом в Батавии¹⁵. Мне пришлось услышать немало интересного о положении вещей в голландских колониях, а также о моих знакомых в разных уголках Малайского архипелага. Хотя многое из слышанного мною могло бы иметь общий интерес, я тем не менее воздержусь здесь от сообщений, боясь, как бы они не показались слишком длинными.

Просматривая, между прочим, газеты и журналы, я наткнулся на старый номер сингапурской газеты "Straits Times" (за 16 января), в котором меня заинтересовала одна статейка. Это был рассказ об открытии на о. Борнео летучих змей. Таких змей встречается там два вида (вероятнее, два различных рода). Змея первого вида, "улар-пиндан", не ядовита и имеет не более 10 дюймов длины; второй вид, "улар-кеналанг", доходит до 3 футов длины. Спина у нее черная, с белыми пятнами, брюхо беловатое. Укушение "улар-кеналанг" производит почти немедленную смерть. Крылья у этих змей начинаются недалеко от головы и доходят до половины тела; они состоят из жесткой кожи без костей. Туземцы говорят, что они способны перелетать через реки Рейян и Капит, т. е. расстояние, равняющееся 150 ярдам с лишком. Их можно нередко встретить около истоков и у дельты реки Рейян. Я нарочно выписал эту заметку, желая убедиться в существовании подобных змей; но пока я еще не могу ни подтвердить этого факта, ни опровергнуть его окончательно {На пути из Батавии в Аден я, между прочим, написал в Сингапур одному моему хорошему знакомому, находящемуся в постоянных сношениях с Сараваком (на Борнео), прося его обратиться к кому следует, обещая при этом хорошее вознаграждение, и добыть мне по экземпляру "улар-пиндан" и "улар-кеналанг". До сих пор я не имею еще никакого ответа, хотя и не теряю надежды получить его.}¹⁶.

К 8 часам мы вернулись к г. Мк.-Н. Между прочим, он сказал мне, что пригласил к обеду русского консула и еще некоторых лиц. Когда все собрались, любезный хозяин повел нас на обширную веранду, которая в колониальных домах Батавии обыкновенно служит удобной и прохладной столовой. Так как дам за столом не было, то разговор шел очень оживленный и интересный, хотя немного шумнее и продолжительнее, чем следовало.

После обеда большинство присутствующих удалилось в биллиардную, а я остался в столовой беседовать с русским консулом, назначение которого явилось для меня крайне приятной довьюстью. Имея недвижимую собственность в голландских колониях, я не раз и очень чувствительно испытывал на себе все неудобство отсутствия официального представителя России¹⁷.

В этот вечер мне пришлось лечь спать не в мое обычное время, т. е. не в 9 часов, а только в 11. Отложив до следующего дня писание моего дневника по случаю позднего времени, я улегся спать в отведенной мне комнате. Но мне не спалось. Громкий говор в биллиардной, долетавший до меня через открытую дверь столовой, смежной с той комнатой, где я спал, а также обдумывание всего слышанного и виденного мною в течение дня мешали мне уснуть. Из всех впечатлений, вынесенных мною после этого короткого пребывания в давно знакомых местах, ярче всего выделялись вопросы, характеризующие отношения между европейцами и туземным населением.

Смотря на большие каменные дома европейцев, окруженные хорошо содержащимися садами, освещенные множеством ламп, украшенные верандами, полными удобной мебелью, кажущиеся совершенными дворцами в сравнении с

лачужками туземцев; видя удобные, роскошные экипажи; проезжая мимо освещенных станций со снующими взад и вперед поездами,-- при виде всего этого великолепия, повторяю, приезжий европеец может, пожалуй, быть легко увлечен блестящей внешностью и, чего доброго, возыметь самое преувеличенное понятие о деятельности, могуществе и большом влиянии белых в колониях. Но все это, как я уже сказал, одна только *внешность*. Интересно, однако же, присмотреться ближе, чем именно поддерживается эта внешность.

Как известно, голландцы владеют своими колониями уже около трехсот лет, причем весьма немногие тысячи белых эксплуатируют и распоряжаются миллионами туземного населения {По статистическим данным, напечатанным в "Regeerings-almanak voor Nederlandsch-Indie" за 1886 г., туземное население Малайского архипелага под господством голландцев равнялось численностью 6 376 128 чел.¹⁸ (из них около 1/2 миллиона китайцев); между тем как европейцев и с ними равноправных (т. е. полукровных и вообще всех христиан) -- 46 837 чел. На о. Яве на приблизительно 27 миллионов туземцев приходится в настоящее время около 300 000 китайцев и только 30 000 европейцев (или же равноправных с ними), из которых в Батавии, имеющей около 90 000 жителей, живет всего 7000 человек.}. Не следует, однако же, думать, чтобы эти миллионы относились совершенно пассивно к чужестранцам, которые отличаются от них не только расою, но и языком, и религией. Припоминая историю голландской колонизации и отношения белых к туземцам на разных островах Малайского архипелага, невольно обращаешь внимание на то уменье или же на случайность, с помощью которых голландцы так ловко воспользовались землями и трудом туземцев. Собственно говоря, все уменье их состояло в применении всем известной, если хотите, даже избитой, но тем не менее всегда верной системы "divide et impera"^{5*}. Европейцы стали между туземными правителями и народом и воспользовались властью первых для господства над последними; они покровительствовали расселению китайцев, которые образовали класс людей, ставших между туземцами и европейцами, и оказались очень полезными для последних. Кроме того, белые поощряли полукровных (европеомалайцев) и сделали их равноправными с собою. Но, введя между ними христианство, европейцы этим самым отделили их от туземного населения, к которому они, европеомалайцы, стоят гораздо ближе, чем к расе своих отцов, как по физиологическому *habitus*'у, так и по наклонностям.

Вспыхни восстание туземцев против белых, восстание, которому арабы и арабомалайцы¹⁹, воодушевляемые магометанским фанатизмом, несомненно придали бы религиозный характер,-- китайцы и полукровные, как язычники и "неверные", несмотря на весьма слабую симпатию к европейцам, тем не менее примкнули бы к ним, так как туземцы (магометане) не захотели бы их иметь союзниками. Довольно оригинально то обстоятельство, что туземцы и китайцы вовсе не нуждаются в европейцах и могли бы вполне благоденствовать без них. Между тем как европейцам никоим образом невозможно остаться без туземцев, так как они находятся в совершенной зависимости от их труда. И все-таки до сих пор туземцам не удалось, да и вряд ли скоро удастся сбросить с себя иго белых, тяжесть которого они чувствуют все сильнее и сильнее {Что туземное население находится в постоянном брожении и что голландцы не должны засыпать в полной беспечности, доказывается несколькими довольно серьезными волнениями, вспыхнувшими на Яве уже после моего отъезда и о которых я прочел в июле в русских газетах. Волнения эти, впрочем, были быстро подавлены.}²⁰.

Вспоминая мой сегодняшний разговор с доктором Б., подтвердившим своим многолетним опытом результаты моих наблюдений относительно акклиматизации белых под тропиками, я невольно подумал о шаткости германской колониальной системы, которая так неожиданно выступила на первый план в Тихом океане и,

вероятно, окажется мыльным пузырем, участь которого, подобно участи всех мыльных пузырей, не подлежит никакому сомнению. Мне показалось странным, что такой человек, как инициатор германской колониальной политики²¹, не подумал осведомиться у людей компетентных, к каким результатам привели опыты европейской колонизации под тропиками. Они ответили бы ему, что такая колонизация, за исключением немногих местностей, возможна только при постоянном наплыве свежих эмигрантов из Европы; что без примеси туземного элемента белая раса как раса под тропиками акклиматизироваться не может, подобно тому как колония негров, переселенная на какой-нибудь Шпицберген, не просуществовала бы там во многих поколениях²².

Пробило половина первого, а я все еще не спал. Наконец, я решил прибегнуть к лекарству против бессонницы, которое мне часто помогает. Полуодевшись, я отправился крытым ходом через двор в боковое здание, где обыкновенно помещаются купальни, людские, кухни, сараи и т. д. Отыскав купальню, я взял душ свежей дождевой воды. Я знал, что рискую схватить лихорадку, но вспомнил об этом тогда только, когда уже возвращался в постель. Средство это благотворно подействовало мне на нервы, и я скоро уснул.

На другое утро, после душа и завтрака на скорую руку, г. Д. и я отправились на станцию железной дороги, причем я не забыл захватить банку с подаренной мне интересной акулой. Доехав из Вельтефредена до порта Таньон-Приока по железной дороге, мы к 9 часам уже были на пароходе "Merkaга". Баржа с моими вещами уже ожидала моего приезда у борта. Все вещи были осторожно перенесены и сложены в трюм.

Напрасно, однако, я так спешил утром. "Merkaга" покинула мол в Таньон-Приоке только в первом часу пополудни.

Н. Миклухо-Маклай

¹* *Сжечь в случае моей смерти (франц.).*

²* *Не может быть и речи (англ.).*

³* *Сжечь, не вскрывая, в случае моей смерти (франц.). Выше было: Сжечь в случае моей смерти.*

⁴* *С величайшей осторожностью (англ.).*

⁵* *Разделяй и властвуй (лат.).*

На несколько дней в Австралию

(Из путевых заметок 1887 г.)

I

Пароходное сообщение Европы с Австралией.-- Пароход северогерманского Ллойда "Неккар".-- Несколько замечаний об Адене -- Острова Келинг, или Кокосовые.-- Интересная аномалия кокосовых пальм.-- Ловля жемчужных раковин и жемчуга в Индийском и Тихом океанах.-- Курьезное поверие о размножении жемчужин.

Я выехал из Петербурга во вторник 17(29) марта, рассчитывая быть в Одессе в пятницу вечером; но вследствие недоразумения по поводу поездов я попал туда только в субботу утром. В тот же день в 4 часа пополудни я отправился далее, в

Александрию, на пароходе Русского общества парокходства и торговли "Чихачев" и на восьмой день по выходе из Одессы, заходя в Константинополь, Смирну и Хиос, прибыл в Александрию. Я намеревался в Порт-Саиде пересесть на пароход "Messageries Maritimes", который должен был быть в Порт-Саиде около 12 апреля нового стиля на пути в Австралию. По приходе в Александрию, однако ж, я переменил мой план, узнав, что на другой день должен был выйти из Суэза пароход северогерманского Ллойда "Неккар", также отправляющийся в Австралию. "Неккар" ожидал прибытия другого парохода германского Ллойда из Бриндизи, на котором должна была прийти почта и приехать несколько пассажиров. Пароход этот ожидали на следующее утро рано, почта и пассажиры должны были быть перевезены на специальном поезде из Александрии в Суэз¹. Еще в Петербурге я слышал и читал об этой новой линии между Европой и Австралией. Отзывы об удобстве и скорости пароходов были очень благоприятны, почему я был непрочь собственным опытом проверить слышанное, тем более что я рассчитал, что, отправляясь на германском пароходе, я мог прибыть в Сидней, цель моей поездки, несколькими днями ранее парохода "Messageries Maritimes".

В настоящее время главных почтовых парокходных линий между Австралией и Европой не менее шести: 4 английских (Peninsular and Oriental S. N. C.^o, или так называемое P. and O., Union Steam Ship C^o of New Zealand, Orient Line of Steamers и Queensland Royal Mail, или British India S. N. C.^o), одна французская и одна немецкая. Пути каждой линии различные. Пароходы P. and O., выходя из Европы через Аден, идут в Коломбо, а затем следуют в Австралию, заходя в порты Альбани, Аделаид, Мельбурн и Сидней. Пароходы Orient обходят мыс Доброй Надежды, а на обратном пути из Австралии, зайдя на свою угольную станцию на острова Чагос в Индийском океане, направляются прямо в Суэз и далее. Пароходы Queensland Royal Mail идут из Брисбейна, заходя в главные северо-восточные порты Австралии (Рокгамптон, Макай, Бовен, Тоунсвилл, Куктоун, Тюрсдей-Айланд), идут в Батавию, затем через Galle в Аден, Суэз и т. д.

Американские пароходы Union Steam Ship C^o of New Zealand, выходя из Сиднея, направляются сперва в Аукланд в Новой Зеландии, а затем через Гонолулу на Сандвичевых островах в Сан-Франциско, откуда пассажиры, выбрав одну из трех железнодорожных линий, переезжают по ней материк Северной Америки и из Нью-Йорка следуют далее в Лондон. Вследствие конкуренции этот интересный путь стоит не дороже пути по Индийскому океану и Суэзскому каналу. Несколько лет тому назад французская линия Messageries Meritimes открыла сообщение между Марселем и Сиднеем, откуда почта и пассажиры на пароходах уже меньших размеров отправляются в Новую Каледонию. Со временем предполагается устроить сообщение и с островами Таити. Пароходы французской линии идут из Адена на острова Сешельские и о. Морис (Иль-де-Франс).

Наконец, в прошлом году открылась еще линия в Австралию, линия северогерманского Ллойда.

Пароходы идут из Бремена, но почта и пассажиры могут нагнать их в Суэзе {Так же могут поступить и пассажиры пароходов других линий, идущих через Суэзский канал, но германский Ллойд располагает для этой цели специальным пароходом: он идет из Бриндизи. а большой австралийский пароход ожидает его прибытия в Суэзе.}, откуда через Аден, Коломбо, заходя в Аделаид и Мельбурн, приходят в Сидней. Отсюда небольшие пароходы отвозят пассажиров и почту на острова Тонга и Самоа.

Кроме этих шести линий из Европы в Австралию, существуют еще две линии из Европы в Новую Зеландию, имеющую удобное парокходное сообщение с Австралией (всего 4 или 5 дней пути).

Эти линии, имеющие отличные, скороходные пароходы, проходят между Новой Зеландией и Лондоном, *via* Магелланов пролив, Рио-де-Жанейро и Тенериф.

Все пароходы этих линий вместимость имеют от 3000 до 6000 тонн и более и совершают путь из Австралии в Европу, круглым числом, от 35 до 40 дней.

Стоимость проездной платы в 1-м классе из Европы в Австралию различна, она меняется от 50 до 70 фунтов стерлингов, смотря по линии, к которой принадлежит пароход, и даже каюте на том же пароходе {Так как на больших пароходах каюты 1-го класса расположены не одинаково, т. е. одни расположены на рубке, на палубе, другие выходят в общий зал, третьи находятся около машины и т. п., то совершенно справедливо, что и цены им назначены различные.}. За билет туда и обратно цена сбавляется. Билет 2-го класса стоит от 30 до 35 фунтов стерлингов.

Хотя я и желал отправиться на "Неккаре", но мне показалось необходимым удостовериться в одном важном для меня обстоятельстве, именно: могу ли я рассчитывать на отдельную каюту. Мое нездоровье, во-первых, делало это почти необходимым; во-вторых, даже для человека вполне здорового перспектива прожить с кем-нибудь в одной каюте в продолжение сорока пяти дней была не особенно привлекательна. При высокой цене билета и немалом числе пароходов такая требовательность вполне понятна {Новейшие пассажирские пароходы в Англии и Америке строятся так, что значительное число кают помещают только одного пассажира.}. Я обратился к агенту германских пароходов за справками; он уверил меня, что при незначительном числе пассажиров 1-го класса капитан парохода "Неккар" несомненно предоставит мне отдельное помещение. Тогда я уплатил ему за билет из Александрии в Сидней 63 фунта стерлингов (что при тогдашнем курсе составляло более 700 руб.). Цена эта оказалась равной стоимости билета из Порт-Саида в Сидней на французских пароходах Messageries Maritimes.

Мне не пришлось долго ждать в Александрии, так как на другой день по моем прибытии в этот порт, часам к восьми утра, пришел из Бриндизи пароход германского Ллойда с почтою и несколькими пассажирами, которых ожидал пароход "Неккар". Как только свезли на берег почту, а пассажиры, в числе которых находился и я, расположились по вагонам специального поезда, предназначенного везти нас в Суэз, мы тронулись в путь. Поезд подвигался очень медленно; в плохих, дребезжащих египетских вагонах было грязно, пыльно и жарко. На одной из станций нас ожидал скверный обед; достаточно было взглянуть на него, чтобы потерять всякий аппетит. Развлечениями во время довольно долгого скучного пути служили виды из окон вагона (физиономия растительности, группы людей в разнообразных, живописных костюмах или без оного, постройки в некоторых селениях, через которые мы проезжали, и т. д.) и отличные сочные апельсины. Смотря на красивые виды, я не раз пожалел, что я не художник, и, кушая апельсины, досадовал, что чистить их без ножа и тарелки в пыльном вагоне представляет немало возни.

Только в 12 часу ночи добрались мы до Суэза и не ранее половины первого подъехали на маленьком пароходике к ожидавшему нас под готовыми парами пароходу "Неккар". Не без труда и лишь при помощи одного из матросов взобрался я на палубу, так как боль в обоих плечах и руках не позволяла придерживаться за перила, да и вообще я едва держался на ногах от ревматизма. Меня любезно встретил капитан, получивший от агента в Александрии телеграмму о моем приезде, и сейчас же обещал мне отдельную каюту, прибавив, что с величайшим удовольствием сделает все от него зависящее, чтобы устроить меня покомфортабельнее.

Почта была скоро выгружена из маленького пароходика, и я только успел передать агенту германских пароходов телеграмму в Сидней, как "Неккар" двинулся в путь.

Расположение и устройство кают, электрическое освещение, число очень прилично обмундированной, очень вежливой прислуги, одним словом, вся комфортабельная обстановка, которую нетрудно заметить при первом, даже поверхностном осмотре, была для меня приятным сюрпризом в виду 45 или 46 дней пребывания на этом пароходе. Каюта, которую я занял, была просторна, имела две койки, одну над другою; верхнюю сейчас же подняли {Койки были на петлях, устроены, как "полки на петлях", т. е. их можно было легко поднимать или опускать.}, так как мне была предоставлена вся каюта; против коек находился довольно удобный, широкий диван; между ним и койками два умывальных стола (каюта назначалась для двух) с зеркалом над ними, по обе стороны которого находилось по полке. Каюта освещалась белым шаром электрической лампы. Свет мгновенно потухал и являлся при легком движении небольшой ручки. Около нее находился электрический звонок для прислуги. Обер-стуартом мне был назначен один из waiter'ов (слуга) для специального прислуживания; на нем же и лежала обязанность наблюдать за чистотою и порядком в моей каюте.

В каюту, смежную с моею, по приказанию капитана были положены мои вещи. Стуарт пришел сказать мне, что и эта каюта находится в моем распоряжении. Иметь весь свой багаж под рукою было для меня, разумеется, большим удобством. В столовой два ряда электрических ламп по обеим сторонам обеденного стола делали эту комнату ночью более светлою, чем днем; глазам, однако же, не было больно, так как лампы были помещены высоко. Над столами, которых было пять или шесть, между двумя рядами ламп висели "понки" (громадные веера, употребляемые в Индии и других тропических странах для доставления искусственной прохлады); они приводились здесь в движение не людьми, как обыкновенно, а паром.

-- Есть ли у вас библиотека?-- спросил я стуарта.

-- Как же,-- был ответ,-- прикажете принести каталог?

-- А есть аптека? -- продолжал я.

-- Есть, но ключ от нее находится у доктора, который уже спит (был уже второй час ночи).-- Но, если прикажете, его сейчас разбудят, так как он и днем, и, если нужно, ночью к услугам гг. пассажиров.

Я заметил, что могу подождать до завтра.

-- А ванная есть?-- продолжал я расспрашивать.

-- Какую прикажете, теплую или холодную? -- спросил стуарт; -- если теплую, она может быть готова через четверть часа, а холодную можно иметь сейчас же.

Я сказал, что желаю иметь теплую ванну в шесть часов утра.

-- Я передам ваше приказание цирюльнику, на котором лежит обязанность смотреть за исправностью ванн. Какой температуры вы желаете иметь ванну? Ее можно сделать совсем горячую или какой-угодно температуры, пуская в холодную воду пар,-- пояснил мне стуарт.

Назвав температуру, я продолжал:

-- Так у вас и цирюльник есть?

-- Как же. Он имеет прекрасное помещение для стрижки волос и бритья гг. пассажиров.

-- Может быть, у вас и прачка найдется?

-- Есть и прачка. Прикажете отдать ей белье сегодня же или завтра?

На этот раз расспросы показались мне достаточными, и я вернулся в свою каюту, где меня ожидал Фриц, мой временный слуга, чтобы помочь раздеться.

Невольно сравнивая комфорт, найденный мною на "Неккаре", с тем, что я видел на "Чихачеве", мне показалось, как будто я переселился в первоклассный отель с вполне современным комфортом из хорошей гостиницы пятидесятых годов с

патриархальными порядками. Я улегся в постель, состоящую из железной рамы и проволочного матраца, покрытого легким волосяным тюфяком.

Так как в каюте вовсе не было жарко (повешенный мною термометр показывал 28° С), то легкое байковое одеяло несколько не было лишним. Не было ни малейшей качки, стук и сотрясения от винта почти что не ощутительны. При таких условиях, даже после менее утомительного дня, проведенного в вагоне, было нетрудно хорошо проспать ночь.

На другой день я осмотрел пароход. На палубе 1-го класса расположена небольшая гостиная и очень комфортабельная каюта для курящих. Пассажиров в 1-м классе было весьма немного, что являлось немалым удобством. Температура воздуха в Красном море оказалась очень умеренною, и я ни разу не видел, чтобы в моей каюте она превышала 32° С; даже при полном штиле фланелевый костюм несколько не был стеснительным.

Мы пришли в Аден на четвертый день плавания от Суэза. Здесь значительное число пассажиров 2-го и 3-го классов съехало на берег в ожидании парохода германского Ллойда, который должен был перевезти их в Занзибар и новые германские колонии на восточном берегу Африки; большинство же пассажиров осталось на "Неккаре", так как почти все отправлялись в Австралию и только весьма немногие ехали далее, на острова Самоа.

Здоровье мое не позволяло мне съехать на берег в Адене, да и провести два-три часа в городе при несколькочасовой стоянке в этом порту было бы для меня не особенно интересно, так как это было уже мое третье посещение этого города и, в продолжение предыдущих несколькихдневных пребываний в Адене, мне уже удалось познакомиться с его главнейшими достопримечательностями.

Аден и Коломбо -- две самые интересные станции австралийских пароходных линий, но описывать такой город, как Аден, только словами, без иллюстраций -- дело неблагоприятное; такое описание не может дать читателю почти никакого представления о действительности, т. е. физиономии местности, типе населения и т. п., почему я и ограничусь здесь только немногими замечаниями об Адене; предлагаю тем из читателей, которые пожелают ознакомиться более обстоятельно с подробностями относительно этого интересного и важного для мореплавания пункта, прочесть книгу капитана (ныне майора) Хунтера, правительственного резидента в Адене².

В Адене собственно два города -- старый и новый. Старый представляет остатки очень древнего {О древности Адена свидетельствуют искусственные водоемы в скалистом ущелье, которых первоначальное основание полагается 600 лет до христианской эры; в 1873 г. решено реставрировать главнейшие из них, и некоторые находятся уже в употреблении.} арабского города, новый же, европейский, был основан англичанами в 1839 г. и сделался важною угольною станцією для коммерческих пароходов всех наций и не менее важным пунктом для британских военных судов во время войны. Кроме того, новый Аден обратился в удобный склад для продуктов западного берега Африки, Аравии и отчасти Персии. Поводом, поведшим к приобретению Адена, послужило разбитие английского судна, которое было разграблено жителями Адена. Англо-индийское правительство овладело городом в 1837 г., а в 1839 принялось за основание нового Адена около порта. В 1850 г. Аден был объявлен порто-франко.

Устройство и содержание этого города делают большую честь предприимчивости и энергии англичан. Все правительственные здания построены прочно и хорошо, город удобно расположен и содержится опрятно. Климат, несмотря на довольно высокую температуру (средняя годовая температура 21,4° R), вероятно, благодаря своей сухости, сравнительно здоров, так что сюда посылают из Индии больных для поправления здоровья. Несмотря на то, что дождь в Адене -- редкое явление, вода

здесь отличная, так как вся она, по крайней мере та, которую употребляют европейцы, дистиллирована из морской воды {Туземный город снабжается водою, доставляемою из Шейк-Отман водопроводом длиною 7 миль, а также после дождей из реставрированного искусственного водоема, который, когда будет совершенно окончен, может вмещать 8 000 000 галлонов воды.}. Фабрика, где дистиллируют воду, и рядом с ней другая, где выделывают искусственный лед,-- два учреждения, очень важные для благосостояния европейского населения в Адене. Тонна дистиллированной воды стоит 13 шиллингов (около 4 руб.).

Живописные, но голые скалы Адена представляют хороший пример того, насколько отсутствие растительности делает пейзаж безжизненным и монотонным; только при вечернем и утреннем освещении серые скалы представляют иногда неожиданные световые эффекты. Если ботаник не найдет в Адене богатой добычи, зато для антрополога и этнографа разнообразное и меняющееся население Адена может представить обильный материал для изучения. Помеси разных семитических и негритянских племен могут выяснить при этом немало вопросов относительно скрещивания и образования новых рас.

Значение Адена ежегодно возрастает, и он смело может считаться самым важным портом и городом для европейцев на Аравийском полуострове. Его значение, разумеется, было поднято тем обстоятельством, что он сделался важною станциею для почтовых пароходов; не проходит дня, чтобы в порт не пришел один или несколько пароходов из Европы, идущих в Японию, Китай, на острова Тихого океана, в Австралию, Индию и берега Западной Африки или возвращающихся обратно.

Английский гарнизон в Адене обыкновенно значительный, и, несмотря на кажущуюся безопасность со стороны Аравийского материка, англичанам не следует упускать из виду, что все население внутри страны более или менее враждебно европейцам и, воодушевленное фанатизмом, может при случае оказаться серьезным их врагом, несмотря на все превосходство европейского вооружения. Майор Хунтер, правительственный резидент в Адене, спрошенный мною во время одного из посещений моих Адена о возможности путешествия сухим путем из Адена в Мокку, Лахаию или прямо в Джедду, ответил мне, что считает такое предприятие рискованным, потому что в нескольких милях расстояния от города жизнь европейца не в безопасности³.

Главные жизненные припасы привозятся не с аравийского, а с ближайшего африканского берега {Который года два тому назад был объявлен находящимся под британским протекторатом.}. Это обстоятельство представляет немалое удобство, так как во время войны, например, эта доставка может быть прервана или очень затруднена неприятельскими судами. Для молодых колоний, как Обок (французской) и Ассаб (итальянской), близость Адена весьма удобна. Здесь новые колонисты могут найти всегда главнейшие предметы, необходимые европейцу, а также при посредстве этого порта они находятся в правильном и частом пароходном и телеграфном сношениях с Европою. О новых колониях в Адене я узнал очень мало и полагаю, что в Париже и в Риме, пожалуй, легче узнать что об них, чем в соседнем им Адене. Во всяком случае там возможно найти кое-какие брошюры и отчеты об этих колониях, что в Адене мне не удалось, несмотря на все мои старания {Интересная статья, касающаяся антропологии и этнологии племени данакиль, живущего около колонии Ассаб, была напечатана гг. Скарамучи и Жильоли (*F. Scaramuchi e E. Giglioli. Notizie sui Danakil e più specialmente su' quelli di Assab*) в "Archivio per l'Antropologia e la Etnologia", 1884.}.

Пароход "Неккар" на пути в Коломбо прошел очень близко от о. Сокоторы, острова, на котором недавно был поднят британский флаг, и остров этот включен в число стран, находившихся под протекторатом Великобритании. Султан на о.

Сокоторе получает теперь небольшую субсидию под условием заботиться об экипажах европейских судов, которые нередко разбиваются у берегов Сокоторы {На возвратном пути из Австралии (в июне) в Коломбо мы узнали, что, например, "Одер", один из новых пароходов северогерманского Ллойда, разбился у с.-в. берега о. Сокоторы, причем все пассажиры и весь экипаж без исключения были спасены, но пароход *со всем* грузом и багажом пассажиров погиб.}. Остров Сокотора был посещен года 4 тому назад известным ботаником г. Швейнфуртом, который остался, как мне говорил при нашей встрече в Александрии в 1883 г., очень доволен своею экскурсиею, давшей несколько интересных результатов по географии растений⁴.

Г. Швейнфурт отправился на о. Сокотору и вернулся оттуда на английском военном судне, которое несколько раз в год из Адена посещает Сокотору и разные местности аравийского и африканского берега.

На седьмой день пути из Адена мы пришли в Коломбо, откуда после нескольких часов стоянки направились к западному берегу Австралии.

30 апреля (нов. ст.) мы прошли острова Кокосовые, или Келинг {Называемые так по имени капитана Келинга, который открыл их в 1608 г.}, посещенные в 1836 г. Дарвином и описанные им в его кругосветном путешествии (в 9 гл. II тома)⁵. Эти острова, когда были открыты в 1608 г. капитаном Келингом, не имели жителей; они были заселены сперва в 1823 г. неким Александром Хером (Alexander Hare), привезшим с собою из Батавии несколько десятков малайцев и целый гарем малайских женщин. В 1826 г. прибыл на острова капитан Росс (J. C. Ross), который ранее несколько раз бывал на островах Келинг. На этот раз он окончательно здесь поселился со всею семьею и стал заниматься выделкою из кокосовых орехов "копры" {"Копрою" называются нарезанные и высушенные куски зерна кокосовых орехов.}. К нему присоединились скоро малайцы, привезенные Хером, так как последний дурно с ними обращался. Это обстоятельство заставило Хера покинуть острова Келинг, и Росс остался один с своим помощником Диском и малайцами. При посещении островов "Биглем" малайцев с женщинами и детьми было более сотни; теперь, как я слышал, их несколько сотен. Несмотря на то, что капитан Росс был совершенно другой человек, чем Хер, и старался не подавать причин к неудовольствию окружавших его малайцев, но и против него составил заговор, имевший целью убить его, чтобы завладеть его имуществом. Исполнение этого заговора не состоялось, так как он был вовремя открыт женою (малайкою) Росса и вследствие энергических мер, принятых семьею Росса.

Сыновья капитана Росса, полукровные, получили в Батавии европейское образование и теперь, по смерти отца, продолжают начатое им дело, делая громадные запасы копры для вывоза, разводя новые плантации на других островах.

Когда года два или три тому назад многие из островов Тихого океана были заняты Германией, то и на острова Келинг британское правительство, во избежание недоразумений, сочло подходящим послать из Сингапура военное судно с приказанием поднять там британский флаг. Это было, если не ошибаюсь, в конце 1886 г.⁶ Посылкою этого судна воспользовался один мой знакомый, г. С. из Мельбурна, и провел недели две на этих интересных для естествоиспытателей островах⁷. Так как г. С. особенно интересовался ботаникою, то он проверил и, может быть, дополнил наблюдения Дарвина, который, как известно, нашел здесь, кроме одного вида мха, одного вида лишая, одного гриба, одного дерева, которое за отсутствием цвета не мог определить, и другого, о котором только слышал, всего-навсего 20 видов растений, из которых 19 принадлежали к различным родам.

Между фотографиями, привезенными г. С. с о. Келинг, одна особенно заинтересовала меня. Она представляла кокосовую пальму со множеством побочных ветвей. Пальма эта была показана г. С. одним из молодых Росс, который

прибавил, что таких кокосовых пальм находится несколько на островах Келинг. Подобная аномалия между кокосовыми пальмами, насколько я знаю, была неизвестна до сих пор и покажется новинкою для ботаников {Мне пока остается еще неизвестным, напечатал ли г. С. сообщение о своем посещении о. Келинг и описал ли свои наблюдения об этой интересной аномалии кокосовых пальм.}. Виденная мною на одном из островов близ Новой Гвинеи кокосовая пальма с тремя главами совершенно отлична от пальмы на островах Келинг. Там ствол у самой верхушки разделялся как бы на три ветви одинаковой толщины {Показав сделанный мною на о. Сайбаи, около Новой Гвинеи, эскиз этой трехглавой кокосовой пальмы известному австралийскому ботанику барону Ф. Мюллеру в Мельбурне, я узнал от него, что подобная или похожая аномалия находится в одном из садов (если не ошибаюсь, в ботаническом) в Калькутте, но что вообще эти аномалии встречаются очень редко.}, здесь же почти что от самого корня от ствола отделяются миниатюрные ветви.

Шхуна, принадлежащая братьям Росс, раза два в год ходит с о. Келинг в Батавию, так что естествоиспытатель, который пожелал бы посетить эту интересную местность, не найдет много затруднений, чтобы добраться туда.

Погода стояла отличная. Индийский океан имел вид не моря, а спокойного громадного озера; а между тем, как я узнал по прибытии в Аделаид, не далее как недели две тому назад в этих широтах разразился такой шторм, что целая флотилия мелких судов, служащих для ловли жемчужных раковин и жемчуга, была почти что уничтожена.

21 апреля в 8 часов вечера флотилия эта была на якоре вдоль местности, известной под именем "Ninety mile Beach". Уже вечером налетали шквалы, которых сила увеличивалась постепенно ночью. К утру шторм все крепчал, так что многие из судов были сорваны с якоря и унесены в море, где были залиты волнами и затонули. К трем часам пополудни ни одного судна не оставалось на якоре, все были унесены в море и находились в самом печальном положении, многие погибли. На следующее утро шторм стал уменьшаться, но весьма немногие из судов оказались уцелевшими; несколько шхун, около 20 люгеров⁸ и других 6 судов разной величины погибли, причем утонуло около 250 человек.

Несколько слов о ловле жемчужных раковин {Жемчужная раковина принадлежит к классу *Acerphala*, разряду *Mytilacea*, семейству *Aviculidae*, роду *Meleagrina* и известна в зоологической систематике под именем *Meleagris margaritifera*. Хотя особи этого вида очень различны по величине, внешнему виду, цвету и т. п., но они представляют один вид. Научные подробности о жемчужных раковинах (genus *Avicula* и genus *Unio*) можно найти в книге: *Th. von Hessling. Die Perlenmuscheln und ihre Perlen. Leipzig, 1859.*} и жемчуга в Индийском и Тихом океанах могут, может быть, показаться интересными.

Как известно, богатые рифы жемчужных раковин находятся в Индийском океане у западного берега о. Цейлона, между 8 и 9° с. ш., у берегов Кондатчи, Арино и Манаар, и ловля их составляла монополию британского правительства. Вследствие долгой бесконтрольной ловли раковин рифы там вдруг так оскудели, что доход пал с 120000 на 10000 фунт, стерл., почему ловля жемчужных раковин в этих местностях была прекращена британским правительством {О ловле жемчужных раковин около о. Цейлона см.: *An account of the Pearl-fisheries of Ceylon, by Capt. J. Stenart of Colombo, 1843*, а также того же автора "Note on Ceylon", 1862.} на 16 лет (от 1838 до 1854 г.). Это обстоятельство было поводом, что предприимчивые люди стали разыскивать новые рифы и эксплуатировать случайно открытые, где ловля жемчужных раковин и жемчуга оказалась в разной степени доходною. Между островами Тихого океана архипелаг Поумоту особенно прославился в этом отношении, особенно когда распространился слух о нескольких ценных

жемчужинах, привезенных оттуда миссионерами в Вальпарайзо, о доставке в Европу агентом торгового дома Годафруа и Ком. пакета жемчужин ценностью с лишком в 20000 долларов, которые были собраны им в несколько месяцев при объезде островов этого архипелага.

Лет двадцать или тридцать тому назад доходы, которые наживались разными шкиперами, выменивавшими у туземцев жемчужные раковины и жемчуг на европейские вещи, были громадны; так, например, за простой железный топор островитяне платили в иной местности по тысяче жемчужных раковин. Иным из этих шкиперов они доставались еще дешевле; так, например, некий "каптен Рагг" (Rugg), хорошо известный лет тридцать тому назад в восточном Тихом океане, имел обыкновение периодически обходить на своей шхуне острова Поумоту и, разузнав о заготовленном для продажи складе жемчужных раковин, просто забирал его вооруженною силою.

Эти времена, конечно, прошли или проходят и наживаться шкиперам и трэдорам {Trader -- общее название торговцев в Тихом океане.} с каждым годом труднее; однако я сам помню, что на островах Мангарева в 1871 г. мне не раз предлагали довольно крупную жемчужину за рубашку. При отправлении тогда в Новую Гвинею рубашка для меня представляла гораздо большую ценность, чем даже очень крупная жемчужина. Во время посещения моего островов Адмиралтейства в 1877 г. я видел, как тысячи жемчужных раковин и другие произведения островов уплачивались мелким бисером, который трэдоры отмеривали маленькими наперстками. За большую жемчужную раковину, иногда за пару, туземцы получали наперсток мелкого стеклянного бисера, количество, представлявшее такую незначительную ценность, что ее даже трудно определить; барыш, получаемый европейцами при этой торговле, может насчитываться смело сотнями процентов {См. мои письма об островах Адмиралтейства в "Известиях императорского Русского географического общества" за 1878 г. <См. наст. том, с. 108>}.}

Количество вывезенных с островов Поумоту жемчужных раковин было за последние 25 или 30 лет приблизительно 25 000 тонн, ценностью более чем 1 млн. фунт, стерл. В настоящее время вывоз с этих островов упал с тысячи тонн на двести в год. Как в Индийском океане, так и здесь рифы заметно оскудели, разумеется, только на время, так как приблизительно шесть или семь лет требуется для жемчужной раковины, чтобы дорасти до величины, имеющей значительную торговую ценность {Около 20 см в поперечнике. Величина, которую достигают раковины в 6 или 7 лет, различна, смотря по местности, где они живут.}. В последних годах со многих островов Меланезии (островов Адмиралтейства, Луб, Луизиады и др.) стали вывозить жемчужные раковины, выменивая у туземцев. Систематическою ловлею жемчужных раковин теперь занимаются европейцы у западного и северозападного берегов Австралии и в Торресовом проливе.

Простых водолазов, ныряющих просто или иногда опускающихся при помощи камня (от 15--25 фунт. веса), который они выпускают из рук, как только достигают дна, заменили по берегам Австралии водолазы, облаченные в полный водолазный аппарат. Экономия труда при последнем способе ныряния громадна. Между тем как первые могут оставаться под водою от 50 до 60 секунд и только весьма немногие от 80 до 84 секунд, водолаз, ныряющий в водолазном костюме, работает по несколько часов сряду, не подымаясь со дна моря. Туземные пироги и лодки, где, как, например, около Цейлона, род "колдуна" или "заговорщика" {Обязанность этого человека была своими "чарами" или "заговорами" предохранить ныряющих от разных морских чудовищ, как акул и крокодилов.} был необходимым человеком при ловле, без которого водолазы, буддисты, магометане и даже христиане {Бывали случаи, что эти "колдуны" были даже христиане (католики).}, не

осмеливались нырять, заменились здесь хорошими европейскими кутерами⁹, экипаж которых состоит из хорошо оплачиваемых водолазов и матросов.

У западного берега Австралии в 1880 г. ловля жемчужных раковин была ограничена Акульей бухтой (Shark Bay, 26° Lat. S.), где раковины были малы и не представляли большой ценности. Несколько лет промышленность эта была очень незначительна, когда неожиданная находка очень ценных жемчужин быстро подвинула промысел. Лучший класс судов заменил прежний, и выписанные или привезенные водолазы-малайцы и полный водолазный аппарат для них стал необходимою принадлежностью каждого судна; затем рифы к северу от Акульей бухты были исследованы и доставили лучшие жемчужные раковины и немало первоклассного жемчуга. Промысел так увеличивался, что правительство колонии Западной Австралии назначило специального чиновника, который имеет в своем распоряжении небольшой кутер для периодического посещения флотилии жемчугопромышленников. Его обязанность состоит в инспекции судов, раздаче свидетельств на право ловли, разборе споров между промышленниками и наблюдении за верной уплатою вывозной пошлины раковин.

Рифы жемчужных раковин здесь тянутся от Акульей бухты к северу до 25° ю. ш. и могут быть эксплуатированы только во время больших отливов, т. е. от 6 до 8 дней каждый месяц, и то не круглый год, а только от апреля до сентября.

Суда, употребляемые для этого промысла, от 5 до 50 тонн вместимости, и большинство их представляет тип кутеров. На них находятся 2 или 3 белых, человек 5--6 темнокожих (малайцев, полинезийцев и австралийцев). Как только судно сделало достаточный запас жемчужных раковин, оно возвращается к берегу, чтобы сдать груз и снова отправиться на риф. На берегу животное, отделенное от раковины, бросается в бочки, где их предоставляют гниению. По временам бочки потрясывают, чтобы освободить жемчуг от сгнивающего тела моллюсков, причем жемчужины падают на дно бочки; зловоние при этом бывает крайнее, к которому, однако ж, промышленники скоро привыкают. Когда моллюски совершенно сгнили, зловонную жидкость осторожно сливают, а осадок на дне бочки промывают самым тщательным образом, чтобы не потерять ни одной жемчужины. Жемчужные раковины затем упаковываются плотно в деревянные ящики и отправляются в Лондон и Америку.

По последним статистическим данным, по берегам Западной Австралии около 1000 человек заняты жемчужным промыслом, из которых одна треть малайцы. Промышленники предпочитают, однако же, услуги австралийцев, так как с ними ладить легче. Малайцы имеют здесь репутацию опасных людей, которые недолго думают при удобном случае зарезать белых и вернуться домой на забранном судне.

Промысел этот существует, как я сказал, также и в Торресовом проливе, как и у западного берега Австралии, хотя на совершенно других основаниях. Опыт показал, что полинезийцы и малайцы -- гораздо лучшие водолазы, чем белые, почему ловля жемчужных раковин предоставлена преимущественно первым.

На разных островах Торрессова пролива находятся станции промышленников, которые не владетели, а только агенты разных сиднейских фирм. Такие станции состоят из дома агента, или так называемого *manager'a*, другого для людей, магазина для раковин и разных принадлежностей для ловли и судов, кухни и т. д. Постройки большею частью из цинкованного железа, очень удобного материала для временных построек в тропических странах. Эти станции служат для хранения запасов различного рода, как провизии для людей и вещей для ремонта судов и водолазных аппаратов; здесь же на этих станциях совершаются разные починки, получают раковины, чистятся и упаковываются для отправки в Сидней. Живущие на таких станциях *manager* и плотник обыкновенно белые, остальные -- темнокожие.

Подобных станций было при моем посещении Торресова пролива в 1880 г. около 12, которые имели 88 судов, от 5 до 8 тонн вместимости; средину этих люгеров и кутеров занимал обыкновенно аппарат для водолаза. В Торресовом проливе уже несколько лет, как все нырянье за жемчужными раковинами производится при помощи водолазного аппарата. На 88 упомянутых судах 70 имели водолазный аппарат и только 18 имели водолазов, нырявших без аппарата. Цена такого кутера с аппаратом в Сиднее, где они строятся, 400 фунт. стерл. Доставка кутера из Сиднея в Тюрздей-Айланд (пароходной станции в Торресовом проливе) на почтовом пароходе стоит 40 фунт. стерл. Были не раз сделаны попытки послать кутера под парусами из Сиднея в Торресов пролив вдоль австралийского берега, но такие попытки никогда не окупались. Водолаз -- капитан судна; кроме его помощника, обязанность которого состоит в том, чтобы помогать водолазу во всем при его работе, т. е. одевать и раздевать его и заботиться, чтобы все было бы исправно, когда водолаз работает под водою, на судне находятся еще 4 матроса.

Плата водолазу не малая, немногие берут менее 200 фунт. стерл. в год, многие получают от 5 до 10 фунт. в месяц и значительный процент с каждой тонны раковин. Бывают года, когда водолаз зарабатывает 350 фунт. стерл. и более. Жалованье матросов -- полинезийцев и малайцев -- два фунта в месяц. Водолаз нанимается обыкновенно на три года. Провизия, которую получает экипаж этих судов, очень хороша, но им не полагается спиртных напитков.

Водолаз собирает раковины на глубине 8 сажен, редко более 10. Раковины лежат свободно, т. е. не прикрепленные к скалам, хотя иногда почти что совсем бывают покрыты песком. Когда в случае ветра водолаз не может работать, он с помощником принимается за очистку раковин.

Тело раковин выбрасывается за борт; когда раковин набрано достаточно, т. е. приблизительно каждые две недели, суда возвращаются на станции для сдачи груза; там перед принятием раковин в магазины их считают и вешают, и аккуратная ведомость, сколько было поймано каждым судном, ведется агентом.

Раковины во второй раз чистятся, обмываются, край обламывается, а затем раковины упаковываются в ящики для отправки в Сидней, а затем в Англию. Обыкновенная цена тонны перламутровых раковин около 120 фунт. стерл., но она доходила до 280 фунт. стерл. Каждый кутер добывает круглым числом около 7 тонн раковин в год.

В 1878 г. было собрано и вывезено 449 тонн ценностью в 53 тыс. 21 фунт. стерл. Ценность в том же году вывезенных жемчужин была всего 230 фунт. стерл. Незначительное количество жемчуга, вывозимого со станций Торресова пролива, происходит от того, что агенты редко получают их, они остаются в руках водолаза и матросов, которые продают их на стороне. Насколько я слышал, весьма немногие жемчужины превышают здесь цену 40 фунт. стерл., средняя цена хороших жемчужин от 5 до 8 фунт. {Во время моего пребывания на островах Торресова пролива разные темнокожие водолазы часто предлагали мне купить у них жемчуг; в Сиднее я раз видел очень красивую крупную жемчужину, купленную у водолаза-туземца за 10 фунт. стерл. и оцененную знатоками не менее как в 80 фунт. стерл.}

Что промышленники обращают главным образом внимание на жемчужные раковины, которые имеют значительную цену и на которые существует постоянный спрос, неудивительно еще по тому обстоятельству, что иногда в нескольких сотнях раковин не найдется ни одной жемчужины, между тем как в иной их находится 30, 40, иногда 100 различной величины.

Почти что каждый год в окрестностях Торресова пролива открываются новые рифы, так что этот промысел имеет перед собою значительную будущность.

Курьезное поверье о жемчуге существует в Сингапуре не только между малайцами, но и между европейцами. Это поверье состоит в том, что некоторые

лица, основываясь на опыте, убеждены, что можно "разводить" жемчуг. Уверяют, что если положить несколько (4 или 5) жемчужин в ящик с несколькими (15 или 20) зернами сырого, т. е. невареного, риса и оставить его, не трогая, в продолжение значительного времени (приблизительно года), то, открыв ящик, можно найти (но не всегда, вставляяют они) на дне ящика некоторое число очень маленьких жемчужин и заметить, что и большие жемчужины увеличились в объеме. Если ящик или коробку снова закупорить и не трогать в продолжение шести месяцев или года и тогда снова посмотреть, что стало с жемчужинами, то окажется, что жемчужины стали больше и что явилось несколько новых жемчужин. Зерна риса при этом тоже оказываются измененными. Концы у некоторых как будто откушены, и уверяют, что число новых жемчужин соответствует числу зерен риса с откушенными концами.

Дамы особенно часто занимаются этими опытами, держат жемчужины в ящиках по двадцати лет и уверяют, что, положив несколько жемчужин, получают несколько десятков новых, которые с годами увеличиваются. Не только дамы убеждены в верности факта размножения жемчужин, но многие образованные люди положительно верят в него, хотя и допускают, что эти опыты не всегда удаются. По вопросу о размножении жемчужин можно найти в естественнонаучном журнале, который издается в Сингапуре {"Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society". Singapore, 1878. P. 31.}, несколько статей, автор которых очень склонен, как кажется, верить в возможность такого размножения.

Если разводить жемчуг при помощи риса окажется самообольщением, то разведение самих жемчужных раковин в подходящих для разводки местностях будет делом весьма возможным, так как доктор Келаар (Kelaart) доказал своими исследованиями цейлонских рифов, что жемчужные раковины можно без вреда для них переселять из одного места в другое, даже в воду неособенной солености; поэтому искусственное разведение жемчужных раковин окажется совершенно простым и доходным промыслом, за который, однако же, можно будет приняться тогда, когда рифы в океанах Индийском и Тихом не будут доставлять достаточной добычи и прибыли, что еще не скоро будет.

Н. Миклухо-Маклай

II

Насадка леса в Южной Австралии.-- Китайский вопрос.-- Бедствие от кроликов.-- Введение новой религии на островах Тонга.

Утром 5 апреля (н. ст.)^{1*}, на 23-й день пути из Суэза, можно было разглядеть с палубы северогерманского Ллойда "Неккар" ряд низких холмов, а под ними белую линию песчаного берега. Открывшаяся земля была юго-западная оконечность австралийского материка. Мы проходили в таком отдалении, что селения Альбани не было видно и с берега на сигнальной станции наш флаг не мог быть узан, почему о приходе почтового парохода "Неккар" в Австралию было извещено по телеграфу во все главнейшие города не из Альбани, как обыкновенно, а из Аделаиды, куда мы пришли двумя днями позже.

Недавно оконченная железная дорога из Аделаиды в Мельбурн дает теперь возможность путешественникам отправляться сухим путем в Мельбурн (около 12 час. пути) и в Сидней (около 30 час). При моем нездоровье, однако же, мне не только нельзя было и думать воспользоваться этим удобством, но даже не

пришлось съездить на берег в Аделаиде, хотя "Неккар" простоял там около 20 часов.

Между немалым числом посетителей, которые поинтересовались осмотреть пароход новой почтовой линии, нашлось несколько лиц, с которыми я познакомился при моем первом посещении Аделаиды в 1882 г. От них я имел случай узнать довольно подробно о результатах опыта, о котором я слышал уже ранее: именно о попытке насадки леса в безлесных долинах долины колонии Южной Австралии. Консерватор правительственных лесов г. Джемс Браун, занявшись этим делом, доказал, что, с необходимыми знаниями и искусством, разные деревья могут быть посажены и расти хорошо в безлесных долинах, даже очень сухих местностях. Первый опыт был сделан в лесном резерве Бундалери, находящемся недалеко от городка Джемстауна, в 150 милях на север от Аделаиды и в 40 милях на запад от порта Пири, на заливе Спенсер. Резерв этот находится на 1500 фут. над уровнем моря и защищен от NW рядом голых холмов. Количество дождя за последнее лето было в этой местности не более 13 дюймов, так что эта местность должна считаться очень сухою. Почва в резерве недурная и состоит из красноватой глины.

Величина резерва 22 тыс. акров, но из этого количества только тысяча акров была занята плантацией. Деревья были посажены в 1878 и 1879 гг. В настоящее время средняя высота их 35 фут., многие 40 и 50 фут. вышины, между тем как некоторые, посаженные в особенно благоприятных условиях, достигают вышины 65 фут. Большинство деревьев имеют здоровый вид, и объем стволов в нескольких футах от земли достигает от 2 до 5 1/2 футов, немногие -- 6 футов. Деревья, составляющие плантацию, принадлежат к видам: *Eucalyptus Globulus*, *E. Carynocalyx*, *E. Leucochylon*, *E. Roswata*, *E. Cornuta* и *E. Diversicolor*.

По мнению г. Брауна, самое ценное дерево между остальными есть южноавстралийский *E. Carynocalyx*. Достигши полного роста, *E. Carynocalyx* представляет самое большое дерево сравнительно с остальными, растет скоро, и дерево его считается лучшим, чем другие виды *Eucalyptus*. Г. Браун имеет заказ от управления телеграфов на доставку 5000 телеграфных столбов, который он надеется выполнить в продолжение двух лет. За каждый столб он получит по 7 шиллингов и 6 пенсов (около 2 р. 25 к.), и вырубка деревьев с этой целью, по его мнению, не только не уменьшит ценности леса, а, напротив, окажется полезною для дерев, которые в настоящее время стоят слишком часто.

Резерв вполне окупается. Наем земли под пастбище и продажа дерева составляют источники дохода, который в прошлом году представлял уже 2578 фунт. стерл. Расходы на плантации не превышали 1387 фунт. стерл., так что баланс в пользу резерва был 1191 фунт. стерл. Деревья резерва уже так велики, что скот не может вредить им, и уже 4 года лесная плантация отдается в наем под пастбище, что приносит 2 шилл. 8 пенс. за акр.

Г. Браун изучал лесоводство в Европе и в Америке и, познакомившись обстоятельно с климатическими условиями Южной Австралии, одолел препятствия, и устроенные им плантации представляют хорошее доказательство его знания дела. Некоторые из деревьев сеются прямо в землю, а затем пересаживаются; для других, более нежных, применяется следующая система. Бамбук или род камыша (*Arunda donex*) режется на куски дюймов 5 длиною таким образом, что оба конца остаются открытыми; вырывается яма в земле, в нее вставляются отрезки бамбука, которые наполняются подходящею землею, а затем в каждый бамбук сажается по зерну. Таким образом в этих ямах вырастают много тысяч молодых деревьев, из которых каждое растет в отдельном бамбуке. Во время рассадки бамбуки вынимают из ямы и в ящиках развозят, куда потребуется. Бамбук с деревцом опускается в землю, и таким образом пересадка совершается, не

тревожа корня. Бамбук скоро гнивает, так что удаление его не требуется. Сеяние деревьев производится в январе и в феврале, пересадка же -- от июня по октябрь.

Для плантации земля готовится вспахиванием глубиной от 7 до 8 дюймов. Прежде полагали, что один раз вспахать землю было достаточно, теперь же нашли лучшую систему: земля, назначенная под плантацию, отдается в наем фермерам под пшеницу на 1 или 2 года, за что фермеры платят по 4 шилл. 6 пенс. за акр в год. Таким образом, плантатор леса за вспахивание не только ничего не платит, но получает еще деньги за наем, и земля после двухгодичной обработки делается более пригодною для посадки деревьев, чем была в своем девственном состоянии.

Прежде деревья сажали в 16 фут. друг от друга, что, однако же, требовало подрезания ветвей, теперь их сажают в расстоянии от 6 до 8 фут., вследствие чего подрезание ветвей делается ненужным. Расходы всякого рода по первоначальному устройству плантации и забота о деревьях в продолжение первых двух лет стоят около 3 фунт. стерл. за акр. Г. Браун убежден, что лес достигнет полного роста через 30 лет и будет иметь тогда ценность 100 фунт. стерл. за акр.

Правительство Южной Австралии очень интересуется насаживанием леса в колонии, и парламент вотирует ежегодно 300 фунт. стерл. для даровой раздачи молодых деревьев, что дает возможность г. Брауну раздавать ежегодно по 300 тысяч дерев. В продолжение последних пяти лет 1 200 000 деревцев были розданы таким образом; кроме того, правительство колонии платит по 2 фунт. стерл. премии за акр успешно разведенной плантации.

Просматривая австралийские газеты, которые были присланы редакциями двух главных газет в Аделаиде на пароход для пассажиров, и прислушиваясь к разговорам новых наших спутников из Аделаиды в Мельбурн и Сидней, мне нетрудно было угадать, какие вопросы выступили за последнее время на первый план. Это было для меня тем более возможно, что, прожив около семи лет в Австралии, я всегда следил с интересом за общественною жизнью и главнейшими происшествиями в австралийских колониях, а мое пребывание в Европе было сравнительно короткое.

Очень много толковали о совещаниях "имперской конференции", которая продолжала заседать в Лондоне, но никто здесь, в колониях, не придавал ей большого значения, и большинство очень критически относилось к ее деятельности¹⁰. Разумеется, в таких случаях угодить всем бывает очень трудно. Между тем как воинственно настроенные австралийцы были довольны, что вопрос об обороне Австралии занимал в прениях конференции видное положение, более мирные считали это ошибкою. Один из представителей последней группы как-то в кают-компании, бросив на стол прочтенную им газету, разразился следующим монологом: "Спорят они (члены имперской конференции) там, где следует строить крепости: в Альбани, в Порт-Дарвине или в Торресовом проливе, а никто и не подумает поднять вопрос, чтобы по крайней мере главнейшие законы были бы у нас те же в разных австралийских колониях. А то, что в одной колонии запрещено законом, закон соседней разрешает, санкционирует!.. Не глупо ли,-- продолжал он с азартом,-- подобное положение дел? Хочет человек жениться на сестре умершей жены -- если он живет в Сиднее, закон это не дозволяет, и ему приходится съездить в Мельбурн, где он может вступить в брак сообразно желанию и с полнейшею санкциею закона". Ему стали возражать, что этот закон о браке с сестрой умершей жены (закон, о котором было наговорено очень много в Англии и в колониях) представляется, сравнительно с вопросом об обороне колоний, очень незначительной важности и т. д.

Но речи, произнесенные на конференции, содержание которых было передаваемо телеграфом, производили здесь немного действия, так как у всех было убеждение, что все ораторство членов конференции не может нисколько связать колониальные

правительства {В этом смысле высказался и сэр Генри Паркс, первый министр колонии Нового Южного Валлиса, т. е. что решения имперской конференции не могут быть действительны в колониях без специального подтверждения местным парламентом.}. Совершенно иначе относилось большинство людей, которых мне на этот раз пришлось встретить в Австралии, как только разговор касался китайцев! Здесь индифферентное выражение мнения заменялось сейчас же очень определенным приговором и в большинстве случаев очень жесточенными нападками на колониальные правительства, что они допускают вообще приезд "желтолицых" в колонии.

Отношения белых с китайцами, которые в Австралии никогда не были нормальны, обострились в последние годы. Европейское рабочее население, не могущее конкурировать с китайцами относительно заработной платы, имея в Австралии значительное влияние на парламент, всевозможными мерами стало стеснять эмиграцию китайцев, наложив так называемую poll tax в 10 фунт. стерл. на каждого приезжающего; связало пароходные компании относительно числа китайцев, которых каждый пароход мог привозить в Австралию, назначив большие штрафы в случае неисполнения новых правил. Все это не помогло. Ежегодно китайцы прибывали и китайские кварталы пополнялись. Китайцы, несмотря на разные несправедливости со стороны белых, мирно работают, довольствуясь сравнительно с европейцами значительно меньшей платой.

Озлобление рабочих классов европейского населения против китайцев доходит нередко до того, что насилия разного рода над китайцами стали обыденным явлением. Доходит до того, что среди белого дня жизнь китайца в главных городах Австралии не может считаться совершенно вне опасности. Я помню случай в одном из предместий Сиднея, когда совершенно безобидный китаец, продавец овощей, был смертельно ранен. Несколько уличных мальчишек и молодых людей, принадлежащих к классу людей, для которого в Австралии существует особенное название "larrikin" {Специально австралийское название "уличных негодяев" самого скверного разбора.}, преследовали этого несчастного сперва насмешками, затем бранью, затем комьями грязи, пока, наконец, булыжник, раздробивший китайцу череп, не свалил его. Тогда недалеко стоявший полисмен счел своей обязанностью позвать кэб и свезти раненого в больницу, где последний на другой день умер. Имена некоторых преследовавших китайца молодых людей были записаны полисменом, и затем они притянуты к ответственности. Их судили. Убийца, не отрицавший своей виновности, оправдывался тем, что бросил грязью, а не камнем. Это объяснение показалось, однако ж, совершенно удовлетворительным присяжным, которые почти сейчас же вынесли оправдательный приговор.

Полная безнаказанность европейцев или самые легкие наказания, как штрафы, несколькодневный арест в случаях самого серьезного насилия против китайцев, имели результатом, что при враждебном отношении рас жизнь последних на улицах, особенно по вечерам и ночью, совершенно не безопасна. Если бы европейцам, живущим или путешествующим в Китае, пришлось бы подвергаться такому налогу при въезде в Китай (который китайцы платят, приезжая в Австралию), а главное, тем неприятностям и опасностям, которым китайцы подвергаются ежедневно в Австралии, все европейские газеты каждый день были бы переполнены сообщениями возмутительных фактов, жалобами и требованиями прекращения такого положения дел. Китайцы пока молчат и продолжают ежегодно прибывать в разные порты Австралии.

Поэтому приезд китайских комиссаров, генерала Вон-Юнг-Хоу и господина У-Цин в Австралию, последовавший в мае этого года, несколько удивил правительство австралийских колоний и австралийскую публику. Цель прибытия комиссаров состояла в исследовании положения китайцев вообще и китайской

торговли в разных местностях, где китайцы поселились, и доставке полного отчета этих исследований китайскому правительству. Генерал Вон-Юнг-Хоу, по словам австралийских газет, мандарин 2-го разряда, человек лет 40, с приятными, весьма учтивыми манерами, выразительным, добродушно-хитрым лицом. Во время восстания тайпингов он был переводчиком при генерале Гордоне и помнит хорошо хартумского героя¹¹. Он отлично говорит по-английски. Его настоящая миссия началась в сентябре прошлого года, когда он выехал из Гонг-Конга в Сингапур, Малакку, Пинанг, Перак, Борнео, Яву, Суматру, Маниллу, Австралию и Рангун.

Комиссары были очень любезно встречены в главных городах Австралии, где осматривали все достопримечательности и старались убедиться в положении своих соотечественников.

Вряд ли, однако ж, их миссия послужит улучшению положения китайцев в Австралии, сомнительно, что после такого хорошего приема со стороны австралийских властей отчет о несправедливостях, претерпеваемых их земляками в Австралии, будет достаточно беспристрастен. Не успели комиссары выехать, как митинги рабочих в разных городах Австралии начали требовать от колониальных правительств повышения таксы для китайцев при приезде в Австралию, которую они требуют повысить до 100 фунт. стерл., и, кроме того, назначить ежегодную таксу (на право жительства в Австралии) в 20 фунт. стерл. На одном из таковых собраний обсуждался даже серьезно вопрос просить правительство обязать всех приезжающих в Австралию китайцев обрезать себе косы. Хотя в Австралии не дошли еще относительно китайцев до таких возмутительных несправедливостей, как в Западных Соединенных Штатах, но это, кажется, скорее вопрос времени. Останется ли китайское правительство индифферентным зрителем подобных нарушений международного права, получив отчет посланных комиссаров, пока еще остается неизвестным. Во всяком случае разные представители рабочего сословия, которых я видел в Мельбурне и Сиднее, уверяли меня, что добьются от колониальных правительств таких мер, которые прекратят окончательно эмиграцию китайцев в Австралию. "Но на такие меры колониальных правительств имперское британское правительство навряд ли согласится,-- возразил я на предыдущее заявление.-- Ведь китайское правительство войдет в сношения по этим вопросам не с австралийским, а с имперским правительством".

-- Если имперское правительство в данном случае не исполнит желания австралийского народа и станет поддерживать китайцев, так тем лучше для нас, австралийцев,-- отвечали мне,-- тем скорее Австралия будет самостоятельной!

Такое мнение, однако ж, популярно лишь в крайнем демократическом лагере; более разумные, которые пока составляют громадное большинство, считают отделение австралийских колоний от Англии еще несвоевременным, хотя убеждены в то же время в его неизбежности, но не теперь, не скоро, а со временем¹².

Другой "непрощенный" гость в Австралии, который стоит колониальным правительствам больше всяких китайцев и от которого, оказывается, труднее отделаться, чем от последних, не кто иной, как, странно сказать, довольно в других местах безобидное животное -- кролик.

В Сиднее в мае месяце мне передавали за факт, что правительство колонии Нового Южного Валлиса имеет намерение предложить премию в 25 тыс. фунт. стерл. (или при настоящем курсе около 260 тыс. руб.) за лучшее средство истребления кроликов. Премия будет выдана после того, как предложенное средство, обстоятельно испробованное, окажется удовлетворительным {В полученных мною за октябрь месяц австралийских газетах находилось уже официальное заявление со стороны колониального правительства об условиях выдачи премии.}. Предложение такой высокой премии не особенно удивительно,

когда бюджеты колоний показывают, что в колонии Виктория было до сих пор истрачено уже более миллиона фунтов стерлингов на истребление этих животных, а в Новом Южном Валлисе убыток и расходы на истребление кроликов обходятся колонии более чем 360 тыс. фунт. стерл. в год. Все до сих пор употребленные средства {Средства эти были главным образом разные формы отравы кроличьих нор или разбрасывание отравленной пищи. Против распространения кроликов было предложено сооружение особенных заборов и т. п.} уничтожения их оказываются недействительными, и миллионы акров мало-помалу заселяются этими маленькими грызунами, страшно обесценивающими землю.

Первые кролики были привезены в Австралию в 1860 г. Г. Остин (Austin), который выпустил нескольких этих животных дикой серой породы в своем Барвонском парке (в колонии Виктории) просто для охоты, разумеется, не думал, что эта фантазия будет стоить его новому отечеству миллионов фунтов стерлингов. Кролики очень быстро размножились в Австралии не только потому, что нашли во многих местностях для себя очень подходящие условия, но вследствие того обстоятельства, что в Австралии они могут размножаться круглый год, между тем как в Европе время их размножения ограничивается восемью месяцами. Г. Блак в Виктории рассчитал, что если выпустить беременную самку в подходящей местности, ее потомство в продолжение одного года может дойти до 3400 особей, из чего можно заключить, до какой степени серьезна может быть опасность от дальнейшего размножения этих кажущихся невинными животных. В австралийских газетах эта опасность сравнивается с чумой, называется национальным несчастьем и т. п. Рассчитано, что двадцать кроликов съедают в определенное время то же количество растительной пищи, что съедает овца, почему для овцеводства размножение кроликов положительно громадное бедствие.

Интересно с зоологической точки зрения, что европейский кролик в Австралии переменил значительно свои привычки и применился легко к новой местности {Не один только кролик выучился применяться к новому отечеству (Австралии) -- и другие привезенные из Европы животные изменили свои привычки, что видно, например, в перемене пищи овец и скота, которые во время засухи выучились есть такую пищу, до которой не дотронулись бы в Европе. Так, например, презираемый ими в Европе репейник спас огромное количество скота от голодной смерти во время засух. Английская лисица в Австралии предпочитает охотиться на молодых овец и оставляет в покое домашнюю птицу и кроликов. Подобных примеров можно насчитать немало.}. Он стал лазить на заборы и взбираться на деревья, как австралийский опоссум, перестал бояться воды, и реки не представляют препятствия его распространению. В некоторых местах колонии Виктории воспользовались размножением кроликов и стали готовить из их мяса консервы, а кроличьи меха собирать для выделки кастровых шляп и т. п.

Между городами Коллак и Кампердаун в колонии Виктории открыты фабрики для приготовления консервов из кроликов, и ежегодно около миллиона этих животных варятся и закупориваются в жестянки. Ловля кроликов при помощи ловушек может принести опытному охотнику от 2 фунт. 10 шилл. до 4 фунт. стерл. в неделю. Цена дюжины кроликов там 2 1/2 шилл. За дюжину кроличьих шкурок платится зимой также 2 1/2 шилл., летом же только 1 шилл. В этой местности не менее 300 человек занимаются этим промыслом. Но такие местные выгоды не могут быть принимаемы в расчет, когда дело идет о громадном уменьшении ценности земли на очень больших пространствах. Средства частных лиц совершенно бессильны против этого "национального несчастья", почему правительства всех австралийских колоний обратили должное внимание на этот вопрос¹³.

Во время моего пребывания в Сиднее пришел почтовый пароход с островов Фиджи и между прочим привез известия с островов Тонга {Острова Тонга, открытые в 1643 г. Тасманом, лежат, как известно, между 18° и 22 ° ю. ш. и 174° и 176° з. д. Между сотнею островов, образующих эту группу, только 3 (Тонга-Табу, Вавау и Эуа) значительной (около 20 миль длины), 7 других средней (от 5 до 7 миль длины) величины, остальные всё гораздо меньше. Большинство островов низки. Жителей на всей группе около 30 000 человек. В 1826 г. туземцы (принадлежащие к полинезийской расе) были обращены в христианство веслеянскими миссионерами. Все умеют читать и писать. Образ правления -- монархия, ограниченная периодическими собраниями начальников. Королевство Тонга признано европейскими государствами независимым королевством.}, которые на следующий день были напечатаны в главных сиднейских газетах. Эти корреспонденции с островов Тонга могут представить наглядную иллюстрацию зол, связанных с поселением белых на островах Тихого океана, и вместе с тем послужить примером, до каких безобразий доходят иногда люди под предлогом "просвещения" и "христианства". История слишком длинна, чтобы входить в подробности, скажу в нескольких словах, в чем дело.

Уже лет 50 или 60, как туземцы островов Тонга обращены в христианство миссионерами -- последователями Веслея. Между миссионерами выдвинулся в продолжение последнего десятка лет особенно один, по имени Бакер, и стал играть в делах королевства Тонга значительную роль, став первым министром короля Георга. Этому г. Бакеру и другому миссионеру г. Ваткину вздумалось в один прекрасный день заняться основанием придуманной ими новой религии и организацией новой церкви, которую они назвали "свободною церковью Тонги" (The Free Church of Tonga), во главе которой стал г. Ваткин. Первый министр (Бакер) уговорил короля сделать эту новую свободную церковь официальною для королевства Тонга и заставить всех своих подданных, отказавшись от "веслеянства", примкнуть к новой, им придуманной религии и церкви. (Насколько религия гг. Бакера и Ваткина отличается от веслеянства, мне не удалось узнать). Довольно понятно, что большая часть населения отказалась от перемены религии. Тогда наступило гонение веслеянцев, продолжавшееся около 2 лет, которое в феврале этого года достигло, наконец, крайней формы.

Один из корреспондентов с о. Вавау приводит следующий случай. В конце февраля получился приказ от правительства островов Тонга (т. е. г. Бакера) прибегнуть к крайним мерам, т. е. сечь и подвергать пытке непослушных до тех пор, пока они не изъявят согласия присоединиться к "новой" церкви. Эти приказания были исполнены с крайним варварством. 2 марта по окончании службы "свободной церкви", около 9 часов утра, власти начали свое дело. Воспитанник веслеянского училища, сын одного из самых старых веслеянских пасторов, был спрошен: хочет ли он переменить религию? Вследствие его отказа он получил 72 удара по плечам и спине, 73-й удар разрезал кожу поперек груди, 74-й удар он получил по лицу, причем один глаз был поврежден, наконец, 75-й удар, последний, по голове и шее. Имя этого мальчика Ион Хавер. Затем женщина по имени Меле-Тахи была опрошена. Так как и она отказалась, то ее стали сечь, но уже после третьего удара она была приведена в беспамятство, почему ее на этот раз оставили.

Корреспондент с двумя другими европейцами пришли на место вскоре после экзекуции и видели обе жертвы. Вся спина и плечи несчастного мальчика представляли синевато-красную массу; глаз и голова во многих местах были поранены. Зад женщины имел вид, как бы она получила не три удара, а несколько дюжин ударов, чему, однако ж, нельзя было удивляться, потому что этих людей секли кнутами о шести концах, из которых каждый был толще и жестче, чем обыкновенная веревка, употребляемая для развешивания белья. Каждый удар был

равен поэтому не одному, а шести ударам и был наносим здоровенным человеком изо всех сил, который при каждом ударе приподнимался даже на цыпочки, чтобы усилить удар. Очень многих мужчин, женщин, некоторых почти что детей подвергли истязанию, которого два примера были сейчас приведены. И на других островах архипелага Тонга веслеяницы были подвержены различным насилиям. В Хабайе 29 человек обоого пола были заключены в тюрьму, состоявшую из единственной небольшой комнаты. Ночью оба окна этой комнаты запирались. Положение заключенных можно легче представить, чем описать: без свежего воздуха, не имея места лечь от тесноты, в полнейшей темноте и в зловонной атмосфере. Между заключенными женщинами находилась и принцесса Шарлотта, дочь короля, не хотевшая переменить религию; она вела себя с большим достоинством в продолжение всех этих испытаний. Тиран островов Тонга (г. Бакер) содержит еще многих заключенными в тюрьме, из которых он приказал расстрелять шестерых, главнейших противников его религии.

Прошение, подписанное всеми независимыми белыми людьми, проживающими в группе, было препровождено британскому консулу в Тонга-Табу. В этом прошении заключается просьба всех европейцев, чтобы все дело, в котором г. Бакер, английский подданный, играет главную роль, было бы подвергнуто строгому расследованию и чтобы е. пр. губернатор островов Фиджи и вместе с тем британский обер-комиссар западного Тихого океана лично занялся этим расследованием.

Позднейшее известие с островов Тонга сообщило, что 27 марта сэр Чарлс Митчель, губернатор Фиджи и т. д., прибыл на корвете "Даямонт" вместе с главным судьей г. Кларком.

На следующий день по приходе корвета депутация была принята сэром Чарлсом, которая вручила ему прошение, подписанное 60 европейскими купцами, тредорами и т. п., живущими на островах Тонга, выражающее убеждение, что настоящее печальное положение островов было делом управления первого министра, г. Бакера, которого они просят удалить с группы. Назначенное следствие показало, что главную причину жестоких истязаний и насилий, которые в продолжение двух лет были совершаемы от имени правительства Тонга, было единственно старание заставить народ присоединиться к так называемой "свободной церкви" г. Бакера и Ваткина. Следствие далее показало, что г. Бакер каждый день мог бы прекратить все насилия, которые совершались по его приказу.

Следствие не было еще заключено, когда пароход "Любек" ушел из Тонга, так что мне не удалось узнать из газет, решил ли представитель британского правительства (сэр Чарлс Митчель) вмешаться в дело и удалить г. Бакера, первого министра короля *независимого* государства Тонга. Сэр Чарлс поставлен в щекотливое положение, и я не думаю, что он рискнет своею властью на решительную меру, как удаление г. Бакера с островов Тонга, особенно в настоящее время, когда германское правительство очень своевольно вмешивается в дела островов Самоа. Подобный шаг со стороны британского обер-комиссара развязал бы еще более руки германских властей на островах Самоа. Другое обстоятельство, хотя меньшей важности, то, что г. Бакер, принимая положение первого министра короля Георга, отказался от британского и принял подданство Тонга -- королевства, признанного Англиею самостоятельным¹³.

Пароход германского Ллойда "Неккар".

Май 1887 г.

¹³* *Явная неточность. Правильно: 5 мая (н. ст.).*